

Алиса Лаврова

РАСПЛАТА

отбор для
Предателя

Алиса Лаврова

Расплата. Отбор для предателя

<https://litres.ru/74308864>

Аннотация

«Отбор для дракона, благороднейшего Ивара Стормса! Остались считанные дни до завершения!» - гласит огромная надпись на пункте набора претенденток. Ивар Стормс отобрал мое новорожденное дитя, обвинив в измене, вышвырнул из дома, обрив наголо, отправил туда, откуда не возвращаются, сделав мертвой для всех, только потому, что я родила ему дочь, а не сына. Воистину благороднейший... — Все нормально? Ты дрожишь. — тихо говорит юный Клод, играющий роль моего старшего брата. — Да, — отвечаю я, подавляя лавину ужасных воспоминаний, и делаю решительный шаг вперед. Теперь, пользуясь запрещенной магией, меняющей облик, мне нужно будет вновь встретиться с предателем, и не только встретиться, но и выиграть этот безумный отбор, который он затеял. Победить, чтобы вырвать из его подлых лап моих деток...

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	16
5	21
6	26
7	32
8	37
9	42
10	48
11	53
12	59
13	64
14	70
15	75
16	80
17	86
18	91
19	96
20	104
21	108
22	113
23	118

24	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Первый том здесь: <https://litnet.com/ru/reader/izmena-otbor-dlya-predatelya-b456719>

С замирающим сердцем подхожу к шатру с броской вывеской.

«Отбор для дракона, благороднейшего Ивара Стормса. Успейте принять участие. Сегодня последний день набора в претендентки»

Зная рода Ивара, нервно, нетерпеливо развевается на ветру, словно подгоняя нас войти внутрь шатра.

Благороднейший... Он отобрал мое новорожденное дитя, вышвырнул из дома, обрив наголо, отправил туда, откуда не возвращаются, сделав мертвой для всех, только потому, что я родила ему дочь, а не сына. Куда уж благороднее...

От вида знакомого знамени, которое я всегда считала своим и от самого имени Ивара Стормса меня передергивает. А ведь когда-то я носила эту фамилию с гордостью.

— Ты дрожишь, — тихо говорит Клод, сопровождающий меня. Он явно заметил, что мне не по себе. — Тебе нехорошо?

— Все нормально, — говорю я и делаю глубокий вдох,

чтобы успокоить колотящееся сердце, взбудораженное целой лавиной горьких воспоминаний о том, как со мной обошелся этот «благородный» дракон. И теперь, мне нужно будет вновь встретиться с ним, и не только встретиться, но и выиграть этот безумный отбор, который он затеял. Победить, чтобы вырвать из его подлых лап моих деток...

— Как я выгляжу, Клод, кольцо работает? — спрашиваю я шепотом.

Ощущаю, как привычное уже покалывание в затылке становится все сильнее. Трогаю пальцем кольцо на указательном пальце левой руки и чувствую его призрачное присутствие. Все, вроде бы, нормально.

— Выглядишь безупречно, — говорит Клод с улыбкой. — Тебя не узнает даже родная мать.

— Хорошо, — говорю я, проводя пальцами по своим темным иллюзорным волосам, которые даже для меня ощущаются совершенно реальными. Если бы не странное покалывание во всем теле, когда кольцо воздействует на меня, я бы и сама, наверное, забыла о том, что это не мои волосы.

Но я, все же, чувствую себя неловко и все еще не уверена до конца в создаваемой кольцом иллюзии. Натягиваю капюшон, чтобы моего лица не было видно.

Клод открывает для меня полог шатра и заводит внутрь. Юный инквизитор, нужно признаться, отлично играет роль моего старшего брата, так что я, хоть на самом деле и на несколько лет старше его, в этом молодом теле и правда чув-

ствую себя его младшей сестренкой.

— Имя и происхождение, — равнодушным тоном говорит костлявая женщина с глубоко посаженными, словно две маленькие бесцветные пуговицы, глазами.

— Адриана Де Вьяр, — говорит Клод, выкладывая на стол документы.

— Де Вьяр? — искра интереса появляется в тоне приемщицы и она поднимает глаза, а затем лениво переводит их с моего лица на лицо Клода. — Значит из знатных? А вы кем приходитесь?

— Я брат. Наш род, увы, обнищал, но мы чтим традиции и все так же достойно служим королю, хоть и не вхожи в число придворных.

— Значит решили поднять свой обнищавший род за счет дракона? — кривая усмешка появляется на лице женщины и она принимается придирчиво листать мои поддельные документы...

За какие-то пару дней, пользуясь своими связями, Блэйк сумел найти в архивах инквизиции долговые бумаги обнищавшего и почти вымершего рода Де Вьяр, бывшего когда-то могущественным, от которого теперь не осталось даже следа. Создать подходящие бумаги, подтверждающие личность, мою и Клода, как и право владения обнищавшим имением, было для него делом элементарной техники. Так что, если кому и придет в голову разнюхивать и копаться в истории моей ненастоящей фамилии, ничего компрометирующего он при всем желании найти не сумеет.

— Знали бы вы, какие замарашки к нам приходили за эти недели... — Женщина качает головой. — суются все. Кривые, косые, молодые, старые. С зубами и без. Девственные, и такие распутные, что клейма ставить негде. Как будто не читают правил... Хотя... Откуда им уметь читать?

— Каждая хочет попытать удачу, — добродушно говорит Клод.

— Да уж. Я бы тоже попытала удачу, — женщина улыбается и я обращаю внимания на ее большие, как у лошади, зубы, словно сделанные из слоновой кости.

— Сколько лет?

— Восемнадцать исполнилось на прошлой неделе, — говорит Клод.

— Молоденькая, это замечательно.

Она лениво поднимается со своего стула, обходит большой стол, занимающий чуть не половину шатра и подходит ко мне ближе.

А сестренка ваша немая? Разговаривать не обучена?

— Ей немного неловко, — вступает за меня Клод. Разумеется она превосходно говорит, и обучена всем наукам и правилам, которые обязана знать девица ее положения и происхождения. В этом можете не сомневаться.

— Интересно, интересно. Ну-ка, деточка, сними свой капюшон, посмотрю. Сама понимаешь, за страшных нам не платят. Страшные лорду дракону без надобности.

Она хихикает и прочищает горло.

Я послушно снимаю капюшон и поднимаю глаза, смело ловя ее взгляд.

Женщина замирает и даже приоткрывает рот.

— Мать моя... — бормочет она и расплывается в такой широкой улыбке, что я начинаю видеть, где крепится ее вставная челюсть. — Что б я сдохла. Боги услышали мою молитву.

— В каком смысле? — наконец, подаю я голос, все еще чувствуя, как неуверенность в этом теле сковывает меня.

— Ты красива, как майский цветок, дочка! Да мне распорядитель Даррен отвалят за такую куколку не меньше десяти золотых, клянусь тебе!

— Это же хорошо? — спрашиваю я.

— Да это просто превосходно!

От ее слов, волнение, которое тревожит меня всю дорогу, постепенно начинает отступать. Похоже, кольцо и правда работает так, как нужно.

— Значит она будет допущена на отбор? — спрашивает Клод.

— Да, только надо прояснить один крошечный момент...

Она красноречиво смотрит на меня, а потом на Клода. А через мгновение, нетерпеливо взрывается.

— Ну что тут непонятно? Прочитайте условия для соискательниц. Шестой пункт. Я должна удостовериться, что целомудрие ваше, моя золотая, ничем не нарушено.

— Да как вы смее сомневаться? — вспыхивает Клод. Адриана, пойдем отсюда.

Он берет меня за руку, и тянет к выходу.

— Пойдите же, — начинает суетиться отборщица, очевидно почуяв, что добыча уплывает у нее из рук. — Это обычная формальность, в этом нет ничего оскорбительного. Вы же должны понимать, что дракону нужна только лучшая претендентка, невинная и с безупречной репутацией. — Мы, кажется, не давали повода усомниться в репутации Адрианы, — нахмуившись говорит Клод и я люблюсь тем, как он играет оскорбленную честь аристократа. Точно так, как мы и договаривались.

Отборщица, очевидно, совсем ослепленная перспективой, что добыча уплывает у нее прямо из под носа, начинает хватать Клода за руки.

— Я мигом приглашу человека из инквизиции и он все быстренько проверит, это не больно и не причинит вашей сестре никакого вреда. Такую процедуру проходят все девушки, которых мы считаем пригодными. Я в этом деле уже много лет. Можете доверять мне.

— Я не позволю никакому мужчине притрагиваться к моей сестре, — еще больше хмурясь, говорит Клод. — Мы сейчас же уходим.

Последнее, что нам сейчас нужно - это незнакомый нам инквизитор, который вполне может учуять мою магию и разоблачить меня еще до того, как я попаду на отбор. Нет, нуж-

но сделать так, чтобы все обошлось без лишних людей с развитым даром.

— Уберите руки, — говорит Клод резко. — Никаких мужчин. Это вам ясно?

— Но мне нужна печать инквизитора, подтверждающая невинность претендентки. Без нее распорядитель даже смотреть не станет на вашу девочку.

— Мне плевать, — гордо поднимает Клод голову. — У нашей семьи есть принципы. Мы не какие-то там простолюдины. Довольно было уже, что она согласилась участвовать в отборе. Если бы я знал, что это связано с такими унижениями, я бы не позволил... Я не дам унижать Адриану. Обойдемся без вашего дракона.

Отборщица растерянно смотрит на меня. Потом поджимает губы, как будто прикидывает в уме что-то. И наконец, спустя несколько мгновений кивает.

— А знаете что? Есть один вариант. Но я боюсь, что ваше стесненное положение не позволит вам...

— О чем это вы? — прищуривается Клод.

— У меня завалялась пустая бумага с уже готовой печатью... Но сами понимаете, это стоит немалых денег... -- она переходит на заговорщицкий шепот. -- А вы, как я понимаю, молодые люди, в средствах стеснены.

— Сколько, — холодно спрашивает Клод.

— Двадцать золотых и никто вашу сестрицу пальцем не тронет... -- таким же шепотом говорит женщина.

— У нас нет таких денег, Клод, — потупив глаза, торопливо говорю я.

Но на самом деле про себя ликую. Если нам удастся отделаться от этих проверок всего двадцатью золотыми, это будет просто замечательно. С трудом скрываю улыбку, которая так и рвется наружу и прилежно изображаю растерянность и страх в глазах.

— Я потратил почти все, чтобы добраться сюда. Если бы я только знал, что меня ждет вымогательство, а мою сестру бесчестие, я бы... Двадцать золотых... Это огромная сумма.

Начинаю беспокоиться, как бы Клод не перегнул палку. Но глядя на его решительное выражение лица, понимаю, что он все делает верно. И в очередной раз удивляюсь, какой актерский талант скрыт в этом хрупком на вид юноше.

— Двадцать? Я сказала двадцать? Я имела ввиду десять, конечно же. И знаете что, я с вами совершенно согласна, глядя на это невинное создание, только безумцу придет в голову сомневаться в ее целомудрии. Вы правы, нет нужды подвергать девочку лишнему волнению. Девицы в этом возрасте такие чувствительные. А печать... Ну что же... Десять золотых, так десять.

— Простите, — удрученно говорю я, подыгрывая Клоду. — Боюсь у нас нет и десяти.

Для большей убедительности я всхлипываю носом, словно вот вот расплачусь от досады. — Клод, может быть все-таки пусть придет человек из инквизиции и засвидетельствует.

— Нет, — отрезает он. — Я не говорил тебе, Адри, но я сохранил немного денег на такой случай.

Он отворачивается, лезет запазуху и пересчитывает деньги, которых у него, конечно же, гораздо больше.

— Вот, это все, что есть. Восемь золотых, — говорит он и протягивает женщине, я вижу, что его рука едва заметно дрожит.

— Восемь.... Ну что ж. Будь по вашему.

Она сгребает деньги и снова улыбается, светя своей искусственной челюстью.

Женщина осторожно берет меня за руку. — пойдем, девочка моя. Твой братик подождет на улице, а я быстренько все проверю, без всяких инквизиторов.

— Не мешкайте, — строго говорит он отборщице и выходит на улицу.

Она отводит меня за ширму и велит раздеваться, стараясь не смотреть мне в глаза.

Но когда я скидываю одежду, я улавливаю взгляд, который бросает на меня женщина. В нем, и восхищение, и зависть, и досада и еще много такого, чего я не могу распознать.

-- Эх, а когда-то я была так же молода... Хотя, далеко не так красива, -- с досадой бормочет она себе под нос. -- Ну чтоже, посмотрим... Да не дрожи ты так, не укушу я тебя!

Когда она осматривает меня я зажмуриваюсь, думая только о том, выдержит ли иллюзия, не распадется ли при таком

близком контакте с посторонним человеком. Не почувствует ли она чего-нибудь. Не разглядит ли как-то скрытое кольцо.

Чувствую, что от ее прикосновений к моей коже, покалывание в затылке, которое и так уже было слишком навязчивым, теперь становится почти нестерпимым, и все тело начинает выкручивать наизнанку. Боль во всем теле резко нарастает, требуя снять кольцо немедленно.

— Ну что же, — слышу я ее неторопливый голос сквозь чудовищную боль в затылке. — Похоже, все в порядке, девочка. Нет никаких сомнений, что ты невинна и чиста.

Она неторопливо поднимается и улыбается мне счастливой улыбкой.

Мне только остается надеяться, что моя ответная гримаса хотя бы отдаленно напоминает улыбку, которую я пытаюсь выдавить из себя через чудовищную боль, что вызывает кольцо.

— Сними, сними немедленно, — как будто кричит все мое естество. — Ты погибнешь, если не снимешь.

— Можешь одеваться, — бросает женщина и уходит, оставляя меня за ширмой в одиночестве.

— Уже все! — повышает она голос. — и я слышу сквозь ширму, как она начинает копаться в каких-то бумагах.

Дыша, словно загнанный зверь, я сдергиваю с себя кольцо, и сажусь на пол от бессилия, молясь, чтобы приемщица не зашла сюда снова. Надеюсь, что, Клод ее отвлечет.

Темные волосы, что струились по моим плечам, мгновенно исчезают, и на голове остаются мои короткие золотые пряди. Быстро, как могу, натягиваю на себя одежду, смотрю в маленькое зеркальце, приделанное к ширме и вижу свое подлинное лицо, на котором все еще застыла печать боли.

Я высчитала, что если носить кольцо около часа не снимая, то едва заметная вибрация во всем теле переходит в покалывание. Если проигнорировать это и носить дальше, на следующий час покалывание переходит в боль. Мне еще ни разу не удавалось проносить кольцо больше трех часов подряд, но тогда меня никто не трогал. Очевидно, столь близкий контакт с другим человеком вытягивает все возможные силы предельно стремительно, буквально за считанные секунды... Мне стоило подготовиться к этому. Но с другой стороны, как к такому можно подготовиться? Наверняка есть какая-то магическая практика, позволяющая продлить действие кольца, но я не знаю ровным счетом ничего.

Вот если бы мама оставила мне книгу со своими записями, вместо той, пустой, что я нашла в сундуке вместе с кольцом. Наверняка я смогла бы продлить действие иллюзии.

Мы вверх дном перерыли весь дом но ничего похожего на записи о магии найти так и не удалось. Лишь старые вещи обычной женщины, в которых нет и намек на то, что она, на самом деле, была могущественной потомственной ведьмой, скрывавшей свой дар..

Постепенно, пульсирующее покалывание в затылке проходит. Я дышу медленно, прислушиваясь к разговору. Кольцо зажато в моем трясущемся от истощения всех сил кулаке.

Стараюсь дышать ровно, с ужасом представляя себе, что сейчас мне снова придется надеть кольцо, чтобы выйти отсюда. Раньше мне требовалось минимум полчаса, чтобы хоть

немного восстановить силы, перед тем, как я снова могла надеть его.

— Ваша девочка невинна и чиста, — удовлетворенно говорит женщина обращаясь к Клоду, — сейчас я только найду бумагу и мы в два счета все заполним.

— Любого, кто усомнился бы в этом, я лично вызвал бы на поединок, — гордо говорит Клод.

— Но уж больно она у вас чувствительная, вся дрожит, как листок на ветру. Боюсь тяжело ей будет на отборе. Испытания там будут не простые, судя по тому, что я слышала.

— Это же не королевский отбор, — отмахивается Клод. — Думаю, ограничатся конкурсом красоты и стихосложением.

— Да, да, возможно... — загадочно говорит отборщица, очевидно не желая дальше высказывать свои сомнения.

По ее голосу я чувствую нечто неладное, словно она недоговаривает какую-то важную деталь, чтобы не спугнуть клиентов.

— В красоте ей не будет равных это точно, — говорит Клод.

— Тут уж бесспорно, сударь мой... О! Так вот же она. Слышу шуршание бумаги.

Смотрите, подписано самим инквизитором Шелли. Его собственная святейшая печать и капля крови. Он, между прочим, служит самому епископу. Можете проверить, печать совершенно подлинная.

— Я вам верю на слово, — говорит Клод.

— Ну что же, это славно. Сейчас я напишу все, что нужно и останется только поставить подпись вашей сестрицы и вашу, как ее представителя.

Я делаю несколько глубоких вдохов и собираюсь с силами. Смотрю на темное кольцо и закрываю глаза, готовясь надеть его сразу, как меня позовут.

В голове постепенно начинает проясняться.

— Я выдержу, — шепчу я самой себе. То ли уговаривая кольцо, то ли себя саму. — Нужно совсем немного времени.

— Поставьте подпись вот тут, — говорит женщина Клоду.

Я надеваю капюшон и осторожно выглядываю за ширму.

— А теперь ваша сестрица пусть подпишет и все готово, — нараспев говорит приемщица.

Стискиваю зубы и надеваю кольцо. Боль яростно накидывается на меня, но слава всем богам, не так сильно, как я ожидала. Это я могу вытерпеть. Главное, чтобы меня больше никто не трогал.

Касаюсь своих черных локонов и бросаю взгляд на зеркальце. Все в порядке, можно идти.

— Вот здесь, — тычет мозолистым пальцем женщина в бумагу. — Поставь подпись.

Я дрожащими пальцами беру перо и старательно вывожу свое новое имя.

Адриана Де Вьяр

Она тут же забирает из под моей руки бумагу и засовы-

вает ее в конверт. Еще мгновение и она закрепляет письмо сургучной печатью.

— Когда прибудете в столицу, отдадите это лично в руки распорядителю Даррену. И передавайте старому хитрецу от меня привет. Желаю вам победы.

— Спасибо, — говорю я, забирая конверт из ее руки.

Она не выпускает конверт и говорит:

— Я очень надеюсь, что ты победишь, ты милая девочка. Но там есть очень опасные штучки. Я это знаю, потому что кое кого из них нашла я. Они не отдадут победу так просто, так что будь готова и найди кого-то, кто прикроет твою спину. Многие будут готовы на любые подлости ради такого лакомого куса, как Дракон Ивар Стормс.

Ивар

Просыпаюсь от того, что кто-то трясет меня за плечо.

— Проваливайте в пекло, я никого не звал. — Говорю я не открывая глаз.

— Мне сказали, ты уже второй день не выходишь из своей берлоги, друг мой.

Отвратительно бодрый голос Ридли удаляется. И вдруг сквозь закрытые веки я чувствую нестерпимо яркий свет.

— Нет! Убирайся! — слышу я свой собственный хриплый голос и закрываю глаза ладонью.

— Нужно впустить немного солнечного света, дружище. Света и свежего воздуха. Тебе больше нельзя тут отсиживаться. Твоя мать просто уничтожила меня, заклиная, призывая и даже подкупая, лишь бы я немного тебя взбодрил.

— Иди туда, откуда пришел.

Я переворачиваюсь на другой бок и чувствую, как внутри что-то болезненно простреливает.

Дракон внутри меня сонно поднимает голову и бросает презрительный взгляд.

— Ты тоже проваливай в пекло. Вы все сговорились.

— Ты нужен своей матери, Ивар, нужен своей дочери и у тебя на носу отбор, ты ведь не забыл? Ты же уже отвалил за

организацию чертову прорву денег. Я не могу представить, зачем ты все это затеял, но раз начал, надо заканчивать.

— Отбор отменяется. Я нездоров.

Приоткрываю глаза и вижу розовощекого барона Ридли. Он растерянно смотрит на меня, а потом поднимает брови.

— Отменяется? Да ты шутишь, друг мой. Это никак нельзя, отменять отбор. Тебя просто не поймут...

Я вздыхаю, и перебарывая слабость в теле, сажусь на кровати. Чувствую, как все тут же начинает плыть перед глазами. Ридли съезжает набок, комната готова опрокинуться вместе со всем содержимым. Мне кажется, что меня вот вот вытошнит.

— Поймут... Не поймут.. Да какое мне дело до этих недоумков, Ридли? Я делаю, что хочу, я его затеял, я его и отменяю.

— Выглядишь ты, скажу прямо, неважно, — раздосадованно говорит Ридли.

— Иди к черту...

Он усаживается в кресло и без спросу наливает себе выпить.

— Я не хочу, чтобы деньги, которые я тебе дал, ушли впустую. Ты поднял на уши всю страну со своим отбором, а теперь просто все отменяешь?

— Твои деньги сегодня же тебе верну, — морщусь я, — если дело в них.

— Да плевать мне на деньги!

— Тогда чего ты ко мне пристал?

Я встаю и покачиваясь, подхожу к окну. Вцепляюсь в подоконник, чтобы не вывалиться наружу. Весело было бы челяди смотреть, как великий дракон Стормс валяется на садовой дорожке с переломанной шеей.

— Ты видел каких жалких баб набрал мой распредитель? Это никуда не годится.

— Я видел, и среди них много очень достойных дев. Многие из них даже с очень хорошим происхождением. Удачу решила попытать даже моя двоюродная кузина, можешь представить? Правда, она, боюсь, немного не проходит по габаритам.

Ридли смеется и подходит ко мне. Сует бокал мне в руку.

— Вот, выпей, может это тебя немного взбодрит.

— Ты поишь меня моими же коллекционными напитками, — недовольно говорю я, но принимаю стакан, после чего сразу же осушаю его, чувствуя, что терять мне все равно уже нечего. Осталось только утонуть в огненной воде.

— В следующий раз принесу с собой, если ты такой жадный, — говорит Ридли и хлопает меня по спине. У меня остался еще ящик. Скажи бодрит?

На удивление, в голове начинает немного проясняться. Постепенно, мир перестает шататься из стороны в сторону и устанавливается где-то, приблизительно, по центру.

— Никто из них не может сравниться с ней, — наконец, говорю я. — Я чувствую, что зря все это затеял. Какая разни-

ца, кто будет матерью моего наследника? Да пусть хоть вон та дочка садовника. Она уже у меня побывала...

— не глупи, Ивар. Нужно довести дело до конца. Я понимаю, что Элис никто не заменит. Я сам не видел женщин, похожих на нее. Она была прекрасна... Но ее больше нет...

Перед глазами встает образ Элис со слезами на глазах и я вздрагиваю всем телом. В голове слышится ее жалобный шепот.

«Дай мне хотя бы попрощаться с Лили»

— Я не дал ей попрощаться, — бормочу я, забыв, что тут Ридли.

— Что? — спрашивает он.

— Ничего, — спохватываюсь я.

— Дружище, послушай, надо взять себя в руки. Нужно довести начатое до конца.

— Нет. К черту! Я не хочу. Пусть мать выберет любую из тех, что нашел Даррен и мы объявим отбор состоявшимся. У меня больше нет желания этим заниматься. Нет ни желания, ни сил. Я болен и мне нужно время...

Ридли вздыхает.

— Боюсь, тут уже дело не только в твоем желании, Ивар.

Я бросаю на него острый взгляд, от которого он едва не отшатывается.

— Король изъявил желание наблюдать за отбором. Он едет сюда. И он надеется, что все будет проведено по правилам королевского отбора.

Внутри меня все сначала холодеет, а потом мной овладевает ярость.

— Проклятье... Скажи, что ты пошутил.

Но, его всегда веселая физиономия, теперь - совершенно серьезна. Он не шутит. Это правда.

Подавляя все еще не покинувшее меня головокружение и легкую слабость, едва не вылетаю из спальни. Чувствую, как когти прорастают на пальцах, а внутри глаз начинает разгораться огонь. Дракон почуял мою злость и теперь расправил крылья, ожидая чего-то интересного.

Слуги разбегаются в стороны и жмутся к стенам, явно опасаясь моего гнева.

— Да чего ты так возбудился, друг мой? — спрашивает Ридли, который неотступно следует за мной.

— Последнее, чего я желаю, это чтобы король совал нос в мои дела.

— Ты что же, не рад увидеть сиятельного воочию? Это же такая честь, — подначивает меня Ридли.

Не был бы он моим другом, я бы не задумываясь взял его за грудки и припечатал к стене, чтобы немного охладить его шутливый настрой.

Но я сдерживаюсь. Похоже, друзей и правда не выбирают, как всегда говорил мой отец.

— Я совершенном восторге. И меня крайне интересует, кто его надоумил пересечь всю страну, чтобы лично присутствовать на моем отборе.

Распахиваю двери в опочивальню матери. Она как всегда сидит за чайным столом и бесконечно треплется со своими

подругами, которых повсюду тащит с собой, куда бы ей не взбрело поехать.

— Оставьте нас, — говорю я двум чопорным дамам, на лицах которых застыло недовольное удивление. Конечно, ведь я помешал им трещать без умолку о пустяках.

— Ивар, тебе лучше? — спрашивает мать и расплывается в сладкой, идеально выверенной улыбке. Идеальная мать дракона, идеальна во всем, и ее не сбить с толку ничем.

— Твоими молитвами, матушка, — едва сдерживая ядовитый тон говорю я.

— Аделина, Сатина, оставьте нас, продолжим разговор чуть позже, мне надо переговорить с сыном.

— Конечно, мы будем ждать тебя в саду, дорогая.

— Спасибо.

Подруги матери поднимаются, делают недовольные кислые рожи, морща свои поизносившиеся носы, и под руку уходят, не забыв бросить на меня осуждающий взгляд двух пар глаз. Где только она их взяла...

Я падаю в освободившееся кресло напротив матери, а Ридли подходит к ней и целует ей руку.

— Как вы и просили, я немного разбудил вашего сиятельного отпрыска.

Она хватает его двумя ладонями за лицо и целует в щеку.

— Я всегда знала, что ты лучше любых докторов, мальчик мой. Настоящий друг. Истинный сын своего рода, такой же, как твой отец...

— Хватит любезничать, обрываю я их воркование. —
Еще немного и патокой зальет весь зал и слетятся мухи.

— Уж скорее они слетятся на запах твоего немытого тела, сын. Ты выглядишь просто ужасно. Тебе срочно надо привести себя в порядок, — говорит мать холодно, благосклонным жестом предлагая Ридли сесть на соседнее кресло.

— Что, матушка, уже беспокоишься о том, как я представлю перед монархом? — спрашиваю я, пытливо глядя на нее.

— Что? — мать делает удивленное лицо и брови ее заползают чуть ли ни под парик.

— Сама знаешь. Ведь это по твоей милости он прибывает сюда, чтобы наблюдать отбор своими глазами. Ридли обрадовал меня этой замечательной вестью.

— Не может такого быть...

— Только не делай вид, что ты тут не ничего не знаешь. Хоть ты и врешь всю жизнь, ты так и не научилась делать это как следует.

Мать бросает быстрый взгляд на Ридли, а потом на меня.

— Я не узнаю тебя, Ивар, ты разговариваешь так, будто я твой враг. Но я здесь только для того, чтобы помочь организовать все так, как следует. Если хочешь, я немедленно уеду. Если я мешаю тебе, я не пробуду тут ни минуты дольше.

Она достает платок, и делает вид, что утерает слезу оскорбленной невинности.

Я вздыхаю.

ну почему нужно всегда устраивать цирк на людях?

— Я тебя не звал, мама, ты явилась сама. И уж точно я не просил тебя звать сюда самого короля. Ты хоть понимаешь, сколько этим создала для меня проблем?

— Я даже не думала никого приглашать, с чего ты это взял?

Судя по тону - абсолютная невинность.

Внимательно слежу за матерью, пытаюсь уловить фальш в ее голосе. Кто ее знает, может быть она и правда ни при чем.. Но кто то же должен был формально пригласить короля.

— Король не является без приглашения. А я что-то не помню, чтобы звал его. Мне не хватало только, чтобы отбор проходил по королевским стандартам... Я не хочу, чтобы жену мне выбирал слепой случай, или как они это называют «божественное провидение». Ты представляешь себе, что тут будет твориться?

Мать хмурится и качает головой.

— Ты потратил уйму денег, чтобы набрать претенденток, несколько недель вся страна гремит о твоём отборе. Неужели ты думал, это не заинтересует короля?

— Как будто у него нет больше других дел...

— Начнем с того, почему ты вообще решил, что он приезжает?

— Ридли сказал мне. А Ридли всегда узнает все новости раньше всех. Верно Ведь?

Ридли пожимает плечами и обезоруживающе улыбается.

— Я люблю держать руку на пульсе, — беззаботно гово-

рит ридли, уминая пирожное и запивая его чаем. — О, чудо как вкусно!

Я с подозрением смотрю на него и прищуриваюсь.

— А уж не твоих ли это рук дело?

Он поджигает губы и смотрит по сторонам.

— Все свои тайны я заберу в могилу, друг мой. И свои и твои и вообще, чьи бы то ни было. Так что не надо меня убивать.

Чувствую, как ярость внутри меня закипает подобно вулкану и сжимаю кулаки.

— Подумай сам, Ивар. — наконец начинает он примирительно, отставляя в сторону чашку. — Ты занимал у меня денег, на это предприятие, а значит, сейчас у тебя не все гладко с финансами. Это не страшно. Но я беспокоился об этом и взял на себя смелость.... Приезд короля - это большие деньги. Это возможность получить новые связи для тебя, возможность показать себя с лучшей стороны. Сначала я подумал, что твой отбор - это не лучшая идея. Но теперь... Чем дольше я размышляю об этом, тем все более блестящей идеей мне это видится.

— К чему нам враги, если у нас такие друзья... — рычу я.

— Вот увидишь, это будет просто грандиозно!

— Будет грандиозно, когда я придушу тебя на глазах своей матери, — бессильно говорю я.

— Ивар! — восклицает она, побледнев. — Не бойся, мальчик мой, он тебе не навредит, только через мой труп, —

говорит мать и берет Ридли за руку.

Спелись, черт бы их побрал.

— Будьте вы оба прокляты, — бессильно говорю я и откидываюсь на спинку кресла. — Если ты впутал меня в это дело, издержки будут на тебе, — говорю я, обращаясь к барону. — Если королю что-то не понравится, я скажу, что организатор всего этого безобразия ни кто иной, как барон Ридли.

Элис

— Эй, по какому делу? — грубый голос привратника выдергивает меня из задумчивости. Карета резко останавливается.

Я нарочно не смотрю наружу, чтобы не увидеть огромный замок, который раньше был моим домом. .

Заранее предчувствую, как тяжело мне будет видеть его после того, сколько счастливых лет я прожила здесь.

Клод протягивает в окно письмо от отборщицы и демонстрирует привратнику печать.

— Выберите тон, вы не с простолюдинами разговариваете, — раздраженно говорит Клод, — Это леди Де Вьяр, у нас приглашение на отбор для Ивара Стормса.

— Приглашение?

Привратник берет в руки конверт и с сомнением смотрит на печать..

— Все места на отбор уже заняты. Вы опоздали. Сегодня в полдень набор закрыли.

— Сейчас двенадцать часов две минуты, — говорит Клод, глядя на часы.

— Ничего не поделаешь, сударь, правила есть правила.

Мое лицо скрыто в тени, но я могу видеть мясистое само-

довольное лицо привратника. Два крохотных глаза смотрят на Клода со злорадством.

— Не я назначал сроки, молодой человек. Придется вам с вашей леди разворачивать ваших дохлых лошадок и двигать свою обшарпанную колымагу назад, — нарочито огорченно говорит он и кидает конверт обратно в карету.

Клод растерянно смотрит на меня, поднимая конверт с пола. Такого в нашем плане не было, так что он не знает, как вести себя дальше.

Я уже привычным жестом приглаживаю свои иллюзорные волосы, удостоверяясь, что иллюзия работает.

— Брат, я слышала, у Ивара Стормса идеальные манеры, как и у его слуг. Но, похоже, это все лишь слухи... — говорю я и выглядываю из окна, чтобы привратник видел мое лицо.

Я уже успела убедиться в том, какое впечатление на мужчин производит красота моей иллюзии, и в этот раз она срабатывает как нельзя лучше.

Привратник открывает рот, потом захлопывает и сглатывает, доносится нечленораздельное мычание.

— Думаю, распорядитель Даррен будет счастлив, когда узнает, что претендентку не пустили на отбор, только потому что у привратника было плохое настроение, — сладким голосом говорю я, глядя в маленькие глазки. — Жаль, что долгую дорогу пришлось проделать напрасно, но что ж, за то мы теперь знаем, что гостям тут не рады.

— Эмм, — мычит привратник, с трудом пытаясь взять

себя в руки.

— Разворачивайте карету, говорю я кучеру. — Мы сделали путь зря.

— А вы знаете распорядителя? — наконец, берет себя в руки привратник.

— Теперь это уже не важно, — говорю я. — Мы уезжаем.

— Подождите, подождите, — начинает суетиться привратник. — Я сейчас все уточню. Наверняка можно сделать небольшое исключение для такой... Для вас... То есть... Я сейчас, подождите.

Он что-то быстро говорит своему напарнику, потом смотрит на меня.

— Никуда их не отпускай.

Он семенит проч с необычной прытью для такого грузного мужчины. Но вдруг останавливается и снова подбегает к окну кареты.

— Письмо, если можно.

Он протягивает дрожащую руку и принимает письмо. словно это какая-то величайшая драгоценность.

От жадного взгляда его слезящихся глаз мне становится не по себе, поэтому когда он отворачивается и уходит быстрым шагом, придерживая свою, нарывающую свалиться с головы фуражку рукой, я вздыхаю с облегчением.

— Ты действуешь на них как сыр на мышей, — с восторгом шепчет мне Клем, сидящая рядом. -- Смотри, как пропустил. Как будто на банкет опаздывает, толстожопый.

Клод осуждающе смотрит на Клем, поджав губы, но ничего не говорит. Он уже, похоже, начал привыкать к ее способу высказываться не особо выбирая выражений.

Я киваю. Мне бы и хотелось разделить ее восторг, но теперь я могу думать лишь о том, как мне продлить действие моей иллюзии не испытывая боли. Наверняка должен быть какой-то способ.

Я уже начинаю чувствовать неприятное покалывание и знаю, что от этого момента у меня осталось около двух часов. После того, как они пролетят, мне придется снять кольцо, чтобы не умереть от боли. Мне остается только надеяться, что у меня будет возможность оказаться наедине. Я вижу, как к воротам подъезжают все новые и новые кареты, одна пышнее другой. Я жила тут много лет в прошлом, но никогда не видела такого количества гостей, один, богаче другого.

Вижу знакомые гербы и эмблемы родов и мое сердце сжимается. Когда-то и я была частью этого мира. Когда-то они считали меня своей.

И тут я слышу разговор на повышенных тонах. И по мере того, как голос приближается, я понимаю, что узнаю его.

— Я же говорю тебе, олух, мы закончили набор, тебе было ясно сказано. Время вышло. Все! Послезавтра прибывает король!

— У нее есть письмо, и вы должны взглянуть на нее...

— Да что там такое? Если ты меня оторвал от важных организационных дел впустую...

— Не впусую, поверьте...

— Простите, — говорит до боли знакомый голос, и я вижу руку протягивающую письмо в окно. — Наш человек немного перегрелся на солнце. Отбор уже начался, все претендентки подобраны.

И тут его глаза встречаются с моими. Речь барона Ридли обрывается на полуслове.

Лучший друг моего мужа, человек, которого я когда-то считала и своим другом, внимательно смотрит мне в глаза и я отчетливо вижу, как его зрачки расширяются. Он ни капельки не изменился, все то же доброе мужественное лицо, все тот же смех, вечно прячущийся в уголках глаз. Тот же голос.

Я не ожидала встретить так скоро кого-то из тех, кто был дорог мне в прошлой жизни, и поэтому я застываю, не смея пошевелиться. Что если он узнает меня каким-то образом? Что если на нем иллюзия не сработает?

не отрывая взгляда от меня он шепчет:

— Чтоб я сдох...

Барон Ридли сжимает письмо в своих руках. И я слышу, как печать хрустит у него под пальцами.

Неужели все-таки он узнал меня? Нет, разумеется, этого не может быть. Иллюзию созданную кольцом распознать никому не под силу, даже инквизитору Блэйку, который знает как разоблачать магию, которой я владею... Точнее не владею, а пока что лишь отчасти обладаю, а уж Ридли и подавно ничего не заметит.

Если бы был хоть малейший шанс, что меня разоблачат, Блэйк бы помешал мне отправиться на отбор. Но он, напротив, сделал все, чтобы я оказалась сегодня здесь.

Наконец, барон явно берет себя в руки и отводит взгляд.
— Эта ему понравится, очень хороша, — бормочет Ридли привратнику, но я отчетливо слышу, что он говорит, благодаря кольцу, которое усиливает все чувства, пока надето на палец. — Слишком хороша.

Он разворачивает конверт и быстро пробегает глазами по тексту, что в нем написан.

— Документы в порядке, подпись инквизитора и отборщика подлинная, а значит, вы можете принять участие в отборе, мисс Де Вьяр, — в его официальном тоне звучит волнение и он старается не смотреть мне в глаза. — Мы не станем заострять внимание на вашем незначительном опоздании. Если я знаю Ивара Стормса, а я смею надеяться, что хорошо знаю его, поскольку мы дружны со школьной скамьи,

он найдет вас столь же прелестной, как и я.

Я тоже думала, что знаю Ивара Стормса, пока он не оказался настоящим чудовищем...

Глаза Ридли разве что не светятся, и ярче их только его открытая улыбка. Старый добрый Ридли, как же мне не хватало его улыбки и всепоглощающего жизнелюбия, которое она всегда излучает. Похоже, моя иллюзия сработала на нем не хуже, чем на привратнике.

Удивительно. Я бы никогда не поверила, что кто-то из женщин может так на него повлиять. Мне бы стоило радоваться такому эффекту, но я почему-то чувствую неловкость, что одурачила человека. Знает ли он, что Ивар на самом деле сделал со мной? Рассказал ли мой муж ему, что вышвырнул меня на погибель, отобрав мое новорожденное дитя?

Конечно же нет. Если я хоть немного разбираюсь в людях, а в это я хочу верить, Ридли никогда бы не смог жить с такой тайной. Ивар это тоже не может не знать, поэтому не откроет барону правды.

— Рада слышать, — я сдержанно улыбаюсь, — было бы очень досадно уехать, так и не попытав счастья.

— Позвольте мне лично проводить вас, говорит барон, открывает дверцу кареты и подает мне руку.

Я стараюсь не показывать ужаса, который охватывает меня. Только бы вытерпеть это прикосновение, только бы оно длилось недолго.

— Простите, — выскакивает из кареты первым Клод, — без моего сопровождения сестра никуда не пойдет.

Барон переводит взгляд на Клода и едва заметно хмурится.

— Клод Де Вьяр, к вашим услугам, — вежливо говорит Клод и протягивает руку барону.

— Барон Ридли, — слегка насмешливо говорит тот и пожимает руку юному Клоду.

Будь на месте Ридли любой другой человек его же уровня, на Клода он даже внимания бы не обратил, отмахнувшись от него, как от назойливой мухи. А уж жать руки отпрыску обнищавшего дома, о котором уже сто лет никто не слышал - это себе мог позволить только Ридли, которому всегда было плевать на предрассудки, как и на то, что о нем подумают другие. Как он всегда говорил: «Если ты сказочно богат, твои недостатки становятся милыми сердцу чертами индивидуальности».

— Видите ли, юноша, у отбора по правилам королевского, есть четкий регламент. Не я его придумал. Вы можете проводить нас до восточного крыла замка, где размещаются претендентки, но, боюсь, дальше, вам придется оставить вашу сестру на наше попечение. Ей будет предоставлена служанка и все необходимые вещи. Будьте уверены, никто ее не обидит, с ней будут обращаться так, как положено с будущей женой дракона.

— Королевского, — озадаченно спрашивает Клод. — С

каких пор он королевский?

— Так уж получилось, что прибывает сам король, а значит все должно быть на самом высоком, и самом строгом уровне. Я надеюсь, вы понимаете. Мужчины не допускаются, будь они кем угодно, хоть братьями, хоть отцами. — Барон покровительственно похлопывает Клода по плечу, так что юноша становится от этого как будто в два раза меньше. Тон Ридли и его внешняя доброжелательность, вместе со скрытой жесткостью, совершенно обескураживают моего юного спутника и он, похоже, не знает что сказать, чувствуя себя неловко.

— Значит я имею право на свою служанку? — говорю я.

— Конечно, мы предоставляем все необходимое, как я и сказал.

Если мне не дадут протащить с собой в замок хотя бы Клем, то мне придется очень туго одной, учитывая предостережение, которое мне сделала отборщица. Там будет настоящая битва. Незаметная, тихая и смертельная. Никто не захочет отдавать победу без боя, и бой этот явно будет не только во время отборных состязаний, но и вне их.

— У меня уже есть своя, — говорю я. — Мне бы не хотелось расставаться с Клементиной.

— Это исключено, — качает головой Ридли. — Все служанки прошли специальную процедуру обучения, все идеально знают свое дело и безупречно выполняют все, что от них требуется.

— Да, я понимаю...

— Простите, госпожа, — перебивает меня Клем, и мягко отодвигает, вставая перед Ридли. — Я выполняю свою работу ничуть не хуже любой из ваших лохудр. И я точно знаю, что надо госпоже Адриане, знаю лучше, чем любая из ваших драгоценных служанок из академии, или где их вы там маринуете, чтобы они были такими идеальными. К тому же в правилах четко сказано, что служанку можно привести с собой. Так что прикажите вашим людям донести вещи госпожи и проводите уже в отведенные госпоже покои, она очень устала в дороге!

Клем делает шаг вперед и чуть не тычет пальцем в грудь барону.

— О, — только и может ответить Ридли на этот яростный выпад моей подруги. Я мысленно съеживаюсь, понимая, что сейчас терпение Ридли лопнет. Если бы Клем разговаривала так с Иваром, или с распорядителем Дарреном, они бы в два счета осадили ее, как зарвавшуюся простолюдинку за наглость, которую она себе позволяет, обращаясь к барону.

— Зачем нам враги, если у нас такие друзья, — задумчиво бормочет Ридли, словно вспомнив что-то.

Барон бросает взгляд на меня и вдруг, едва заметно подмигивает.

— Ладно, — наконец, говорит он, — я что-нибудь придумаю. Мать Ивара будет в ярости, но, думаю, я смогу справиться с нею. Она милейшая женщина, клянусь вам, но к ней нужно иметь свой подход.

Значит мать Ивара здесь?. А ведь перед тем, как вышвырнуть меня из дома, Ивар говорил, что отправит детей к ней...

Невольно образ матери Ивара сам собой встает перед глазами. Она всегда относилась ко мне не слишком тепло и хоть не показывала вида, но, кажется, всегда сожалела, что Ивар решил взять в жены девушку не из аристократического рода. Воспитание не позволяло ей открыто заявлять о своем недовольстве, а любовь к сыну заставляла ее делать вид, что я лучшая пара для ее сына. Сколько раз я ловила на себе ее странный взгляд, в котором смешивалось одновременно тихое недовольство и покорность судьбе...

— Вот и замечательно, — говорит Клем, бурно выражая свой восторг, — вы не пожалеете!

— Конечно пожалею, Клементина, — беззаботно говорит ридли, — но будет уже поздно.

— Спасибо, — говорю я едва слышно, и барон кивает мне. Солнце светит так ярко, что мне приходится щуриться,

пока мы не заходим под тень рощи, ведущей восточному крылу древнего замка. Я смотрю под ноги, все еще боясь поднять взгляд и посмотреть туда, где высится эта громадина.

— Смею предположить, что понимаю ваши чувства, леди Де Вьяр, вы ведь наверное, не бывали в наших местах, и уж наверняка не посещали замок одного из великих драконов. А перспектива сочетаться браком с одним из них, наверняка вас до ужаса пугает.

— Не бывала, — говорю я кротко, сохраняя свою легенду, согласно которой, я прибыла сюда из глухой провинции, где самое роскошное место, что мне удалось посетить - почти лишенная финансирования гимназия для благородных девиц, на которую едва хватило сбережений моих покойных родителей.

— Хочу вас обрадовать — дракон, сердце которого вам предстоит, надеюсь, с помощью богов, завоевать, совсем не страшный. Нет, то есть, он конечно огнедышащий, и валадеет полным оборотом, может нагнать ужаса и все такое, но как человек он вполне милый, хоть немного вспыльчив и упрям.

Откровенность и простота, с которой барон говорит с людьми, которых, по сути, видит впервые в жизни, заставляет меня в красках вспомнить, то время, когда я еще жила в замке, то время, когда все казалось безмятежным и счастливым. Внутри меня переменилось все, внешне я не похожа на себя. Моя жизнь расколота надвое, а Ридли все такой же,

как был.

— Я в этом и не сомневалась, — говорю я.

Но сердце мое сжимается от ужасных воспоминаний. Его взгляд полный разочарования, что я родила ему дочь, а не сына. Его жестокий приказ, обрить меня наголо и отправить в монастырь...

— Этому замку столько лет, что уже никто и не помнит, когда он был построен. Он является крупнейшим в этой части нашей страны. По некоторым подсчетам, он может посопоставляться с дворцом короля, что в столице. Я уже столько лет в нем бываю, но не видел, по сути и половины его.

Я понимаю о чем он говорит. Я сама была в восточном крыле лишь раз, да и то случайно. Мы всегда жили в западном, и его одного хватило бы, чтобы вместить весь королевский двор и еще осталось бы место. Предки Ивара, которые строили его, явно не скупилась и обладали слабостью к гигантизму.

Я пересиливаю свой страх и беспокойство, и наконец, смотрю на замок.

Он все такой же невообразимо огромный, силуэт его башен, который я так хорошо знаю, тут же заставляет мое сердце сжаться. Сколько счастливых дней и лет я тут провела. Сколько было связано с этим местом надежд... Сколько боли я здесь испытала.

Я смотрю на белый камень стен замка и не могу отвести взгляда, дыхание перехватывает и я на мгновение забываю

кто я, где я нахожусь и в каком времени. Меня переносит в ту страшную ночь, когда с моей головы состригали кудри, а где-то вдалеке, едва слышно кричало мое новорожденное дитя, моя вторая дочь, которую мне так и не дали подержать в руках.

И теперь я снова здесь.

Незаметно для себя я ускоряю шаг, не отрывая глаз от сверкающих шпилей, которые теперь кажутся иглами, пронизывающими мою кожу, пытающими меня.

— Осторожнее, — вдруг я слышу окрик барона, и понимаю, что падаю.

Он успевает подхватить меня и держит крепкими руками.

— Нужно смотреть под ноги, Адриана, — говорит он с улыбкой, — так недолго и не дожить до отбора. Я понимаю, что вы ошеломлены великолепием замка, но мне не хотелось бы вас терять.

Страшная боль тут же вспыхивает в голове, едва Барон касается меня. Я сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не показать этого и тяжело дышу.

— Да вы дрожите, леди Адриана, — говорит он встревоженно. — Все хорошо?

— Да, все в порядке, — говорю я и пытаюсь высвободиться из его хватки, которая просто раздражает меня на части.

Он касается моего лба своей сильной рукой, отчего меня прошибает чудовищный удар боли, от которого все темнеет в глазах.

— Вы здоровы? — с тревогой спрашивает Ридли.

— Я же сказала, госпожа устала с дороги! — вмешивается Клем, в очередной раз спасая меня, и бесцеремонно отпихивает барона.

Боль сразу же утихает и я, наконец, снова обретаю возможность соображать.

— Я просто... Засмотрелась, — с улыбкой говорю я, — замок очень красивый, не видела никогда ничего подобного.

Ридли чуть заметно хмурится несколько мгновений, а затем кивает.

— Если вы и правда так устали, то не будем мешкать.

И в эту минуту до моего обостренного слуха доносится очень далекий смех, звонкий, залиvistый смех, который я не спутаю ни с чем.

Я оглядываюсь по сторонам, и вдалеке, там, где начинается сад, вижу едва различимую фигурку моей четырехлетней дочери, в сопровождении нянечек, которая тут же скрывается среди яблоневых деревьев....

— Лили, ты здесь... — шепчу я, перебарывая непреодолимое желание тут же броситься вслед за ней.

Дорогие читатели, это второй том книги. Выяснила, что еще не все об этом знают, так что напоминаю) Если вам интересна предыстория, вы можете прочитать

ее по ссылке: <https://litnet.com/ru/reader/izmena-otbor-dlya-predatelya-b456719>

Невольно дергаюсь в ту сторону. Неужели она все-таки здесь? Неужели он не отправил ее в поместье матери? Это правда она, или мне померещилось? Сам этот замок словно усиливает все воспоминания, заставляя мое сердце сжаться от боли.

— Куда ты, Элис, — шепчет мне Клем, пытаюсь удержать меня. Весь мир сужается для меня в той маленькой точке, где я видела едва различимый силуэт дочери. Я даже не чувствую боли, от прикосновения Клем, мне все равно, что подумает Ридли.

Я должна ее увидеть, сейчас.

— Она там, Клем, моя дочка, я ее слышала, — шепчу я сбивчиво.

— Успокойся, — говорит она и заставляет меня посмотреть себе в глаза. — Чего бы ты там ни увидела. Это не важно. Важно другое. Нельзя выдавать, кто ты такая на самом деле.

Наконец, я прихожу в себя, возвращаясь в реальность.

Замечаю, что Ридли что-то увлеченно рассказывает Клоду, вместе с которым они обогнали нас с Клем, так что мы почти поровнялись со слугами, что тащат наши вещи.

Барон, кажется, ничего не заметил. Сердце бьется так, что готово вылететь из груди. Близость дочери обрушивает на меня целую лавину воспоминаний, которые чуть не сбивают

меня с ног.

— Я не знала, что будет так тяжело, — шепчу я Клем.

— Все нормально, мы через это пройдем, поняла меня? Ты вернешь ее, я тебе обещаю, но не сейчас. Ты должна выиграть в отборе и отобрать у дракона все, в том числе и своих дочерей.

Ее слова отрезвляют меня окончательно и я начинаю чувствовать мелкие камушки гравия шуршащие под ногами, ветер, который дует в лицо и развеивает мои темные иллюзорные волосы, словно они настоящие.

Я делаю несколько глубоких вдохов и решительно киваю.

Клем, как всегда, права. Я должна быть куда сильнее. Я должна быть готова к чему угодно. Если далекий смех так вывел меня из равновесия, что же будет, когда я увижу ее рядом? Что будет, когда я увижу Ивара? Что будет, когда мне нужно будет удерживать иллюзию перед целой толпой людей и перед тем, кто был моим мужем? Справлюсь ли я с этим?

— Я боюсь, — говорю я шепотом, и дрожащей рукой сжимаю запястье, чтобы усмирить дрожь. — Но я справлюсь.

— Вот! Это моя девочка! — говорит Клем, — сначала нужно оторвать ему хвост и крылья, а уж потом все остальное. Думай только об этом, договорились?

В ответ я только киваю.

— Вас, Клод, поселят в другом крыле, если хотите. Если нет, вы можете остаться в гостинице в городе. В любом случае, вам здесь всегда будут рады, а на этапах отбора вы бу-

дете на лучших местах, видя все так, как будет видеть наш монарх и его свита.

— Вы очень добры, — говорит Клод и я вижу на его лице неподдельное удовольствие. Он, похоже, так хорошо вжился в роль, что ему потребуется приложить усилие, чтобы из этого образа выйти.

— Заносите сюда, — повышает голос барон и указывает слугам на высокие остекленные двери, на которых бликует солнечный свет.

— Добро пожаловать в замок Ивара Стормса, леди Де Вьяр, я вам обещаю, вы будете чувствовать себя здесь совсем как дома, если ваш дом был похож на королевский дворец.

Я бросаю взгляд назад и встречаюсь глазами с Клодом.

— Держись, сестренка, — говорит он, — покажи им, чего стоит род Де Вьяр. !

— Обязательно, говорю я и иду вслед за Бароном.

— Конечно, я взял на себя смелость, и лично включаю вас в список претенденток. Вам, можно сказать, сильно повезло. Через считанные часы состоится последний смотр и после того, как князь Ивар раздаст вам печати, вы все станете официальными участницами. , — говорит он, и его голос разлетается по высоким сводам зала, через который мы идем. Все здесь так знакомо, и так чуждо одновременно, словно все годы, что я прожила тут прежде, были лишь сном. Или я сплю сейчас?

Но боль в затылке, которая постепенно нарастает, явно

совершенно настоящая, и становится сильнее, когда на нас бросают взгляды десятки человек, снующих по залу туда сюда, явно готовя его к чему-то. .

— Но может быть и так, что я не получу печать? — спрашиваю я у барона.

— Если так, то Ивар мне больше не друг, сударыня. Я делаю на вас большую ставку, учтите, и не подведите меня. Раньше, я ставил на леди Гибсон, но теперь... Я думаю теперь все меняется. Вы только взгляните на себя.

Барон останавливает нас и заставляет меня посмотреть. .

Я вижу саму себя в отражении высокого, невероятно ровного и чистого зеркала и у меня самой захватывает дух. Я все время забываю, насколько иллюзия реальна, и насколько красивое лицо и тело она дарит мне.

— С вами, леди Адриана, могла сравниться только покойная жена Ивара, — говорит Ридли. В его голосе я чувствую неподдельную грусть, как будто на мгновение его веселое и светлое лицо заволакивают тучи и он пытается уложить у себя в голове воспоминания обо мне, так, чтобы они не причиняли ему боли.

— Хотя ее волосы были светлые и яркие, как золото на солнце. А ее смех, такого смеха, я больше не услышу. Но есть что-то в вас, очень похожее. Я словно чувствую...

— Что? — спрашиваю я.

— Да нет, ничего, это все глупости, я слишком мало спал, занимаясь этим безумным отбором, и еще несколько ночей

мне предстоит не спать. И совсем скоро прибывает король. Это просто безумие.

Его голос мгновенно меняется, снова обретая беззаботную веселость и несерьезность, которая почти никогда не покидает его.

— Вот и ваши покои. А теперь я вынужден вас покинуть. Отдыхайте. Вечером вас ждет первая встреча с князем.

Ивар

Замираю у входа, держа тяжелый ключ в руке. Едва слышно сквозь толстые доски двери до меня доносится детский плач. Если не знать, что там внутри, и не прислушаться нарочно, то и не разберешь, что слышишь, особенно, если не обладаешь драконьей силой, что обостряет любое чувство.

Открываю дверь и тут же плач ребенка становится невыносимо громким, разносясь по гулким пустым коридорам этого этажа.

Кормилица качает дитя на руках и что-то мычит, похоже, она даже не заметила как я вошел. Плотно прикрываю за собой дверь и делаю несколько шагов вперед, приглядываясь к безутешно плачущему младенцу.

Осматриваюсь и отмечаю, что эта комната в замке куда лучше той дыры, в которой раньше обитала кормилица.

Увидев меня она испуганно распахивает глаза и нервно сглатывает. Глупая деревенская баба смотрит на своего господина и в ее взгляде лишь коровья покорность судьбе. О чем она думает?

О чем думает домашний скот, чье молоко мы употребляем в пищу? О чем думает трава, которую косят, чтобы скормить корове?

Никто уже никогда не узнает, даже если какие-то мысли и посещали эту голову, теперь ее рот лишен языка.

Едва увидев меня, младенец мгновенно замолкает и устремляет взгляд своих небесно голубых глаз в мою сторону. Девочка вытягивает крохотную ручку и тянется ко мне. От этого жеста, такого простого и естественного, что-то внутри меня переворачивается.

Кормилица вопросительно смотрит на меня и чуть приподнимает младенца, словно предлагая мне взять девочку на руки.

— Нет, — качаю я головой, — я не буду трогать это...

Однако, вопреки своим словам, я подхожу еще ближе и протягиваю руку, чтобы ребенок мог дотронуться до меня. От ее прикосновения сердце сжимается.

Ведь у нее даже нет имени. Безымянное дитя, которое никогда не узнает, что я ее отец, дитя, которое никогда не узнает, кем была ее мать. Так же, как никогда не узнает, что у нее есть сестра Лили.

Мог ли я поступить иначе? Мог бы сказать, что ребенок выжил? Наверное стоило сделать так...

Ее глаза, они так похожи на глаза ее покойной матери, что мне становится тяжело смотреть в эту чистейшую синеву. Я боюсь видеть в них Элис и вижу то, чего боюсь.

Но еще страшнее мне видеть в них себя. Я участвовал в двух кровавых военных кампаниях, где под моими знаменами умирали тысячи, я сам смотрел в глаза смерти сражаясь

с вражескими драконами, чувствуя как их черные когти раздирают мою плоть, как их огонь пытается расплавить мою чешую. Да, я был на грани смерти не раз, но никогда мне не было так страшно, как теперь.

Мог ли я поступить иначе? Мог ли усмирить свою ярость, остановить все это, не отправлять Элис в монастырь, где ее сгубили сумасшедшие фанатики? Как бы повернулась моя жизнь, если бы я успел вернуть ее вовремя?

От злости стискиваю зубы. Никогда в жизни еще сомнения не посещали мою душу. Что же изменилось теперь?

К черту, уже не время думать об этом. Сомнения уничтожат меня, сделают меня рабом прошлого, сожрут мои внутренности без остатка, оставив лишь высохший остов дракона.

Все решения, которые я принимал, я принимал как дракон, а значит все они были верные. Дракон может совершить только одну ошибку - идти против собственной воли. Так учил меня отец, и я знаю, что эта истина единственная основа, на которой держится все в этом мире.

Но сколько бы я ни уговаривал себя, я все же знаю правду. И именно от этой правды я убегаю каждый день, пытаюсь найти успокоение в обезболивающем зелье.

Чем дальше я бегу, тем ближе я к правде. Чем больше я злюсь, тем страшнее мне кажется мое собственное настоящее, которое теперь, когда рядом нет Элис, лишено всякого света и смысла.

— Я погубил твою мать, безымянное дитя, — говорю я, обращаясь к малышке. — И я никогда не найду ей достойную замену. А ты будешь служить вечным укором для меня. Твои ясные глаза еще не знают зла. Ты тянешься ко мне, чувствуя родство, но если бы ты знала, что я сделал собственными руками, ты бы рыдала еще громче.

И вдруг, ребенок, словно в ответ на мои слова, хватает меня за палец своей крошечной ручонкой. Я вижу улыбку на ее лице и на мгновение забываю обо всем, чувствуя в этот момент, словно на меня пролился исцеляющий свет.

— Проклятье, — говорю я и торопливо высвобождаю палец из хватки младенца. Кормилица смотрит на меня и тоже расплывается в улыбке. Не боится, не ненавидит, не осуждает.

Да черт бы ее побрал. Я лишил ее языка и запер в этой комнате, оставив наедине с чужим ребенком. Где ее собственное дитя она даже не знает. И она смотрит на меня без злобы, без ненависти, улыбается, как дура... Улыбка ясная, добрая, полная любви.. Любви к этому, чужому для нее младенцу, к которому она теперь привязана.

Резко разворачиваюсь и в два шага покидаю комнату, запирая ее на тяжелый замок.

Незачем мне ходить сюда. Незачем беречь раны, которые, похоже, еще не зажили. И к чему мне вообще смотреть на нее? Она никто, всего лишь младенец.

Дракон внутри меня выпускает облако черного дыма и

издает недовольный рык. Похоже, он иного мнения относительно того, кто для меня этот младенец.

— Тебя я не спрашивал, — рывкаю я и выхожу к длинной галерее, ведущей в мое крыло замка.

С тех пор, как Ридли поселился здесь и развел суету с отбором, народу здесь стало как будто в десять раз больше. Теперь я не узнаю лица слуг, постоянно прибывают новые. Все суетятся, снуют туда сюда, обгоняя друг друга и едва не сбивая с ног.

— Вот ты где! — слышу я знакомый голос барона, едва стоит мне о нем подумать.

— Я не могу узнать свой замок, зачем ты нагнал сюда столько людей?

— Провалиться мне сквозь землю, если я не организую все по самому высшему разряду, так, как принято в столичном дворце. Король должен ощущать себя, когда прибудет, словно попал в свою северную резиденцию. А мы должны предоставить ему весь комфорт, который можем создать. Но сейчас не об этом.

— Мог бы ты не быть таким громким и энергичным? Ты меня раздражаешь и у меня от тебя болит голова.

Детский плач все еще стоит у меня в ушах, как будто я все еще нахожусь в той комнате и от этого раздражение во мне нарастает. Я хочу поскорее оказаться у себя и забыться парой глотков зелья, чтобы успокоить и себя и дракона, который все еще злится.

— Ты не представляешь, какую претендентку я для тебя нашел! — с восторгом говорит Ридли. — я поставил на нее тысячу золотых драконов! Она просто безупречна, молода, красива, прекрасное происхождение, кроткий нрав и огонь в глазах! А имя, звучит, как песня. Адриана Де Вьяр!

— Мы же уже закончили... — закатываю я глаза, приходя постепенно в ярость от неуместной восторженности Ридли. Сколько раз я уже успел за эти дни услышать от него ровно такие же слова, относительно других девушек. А на поверку они оказывались обычными пустышками, стоило лишь бросить на них один взгляд. А уж как только они открывали рот, все становилось совсем плачевно.

— Мы в виде исключения взяли еще одну. Это не противоречит правилам, — он берет меня под руку и тащит куда-то. — Я устроил сегодня ужин, где ты сможешь увидеть ее и остальных в спокойной обстановке. Все шестнадцать дев предстанут в лучшем виде. И ты должен выглядеть безупречно, друг мой!

Элис

Стоит слугам выйти из наших покоев, оставив вещи, я тут же сдергиваю с себя кольцо, которое нестерпимой болью терзает мое тело. Дрожащими руками я кладу его в карман и прячу лицо в ладонях, дыша, словно загнанный зверь.

Боль все еще пульсирует в голове, но туман постепенно рассеивается и я почти сразу начинаю приходить в себя.

Что Ридли увидел во мне? Неужели он что-то заподозрил? Нет, этого не может быть. Но почему он так смотрел, словно сквозь меня, на какое-то мгновение мне даже показалось, что он видит не иллюзию, а меня саму.

Я не думала, что это будет так сложно. Каждый взгляд человека на меня - это испытание. А когда людей сразу много, меня буквально раздирает изнутри, и особенно тяжело, когда на меня смотрит кто-то, кто хорошо знает меня прежнюю. Что же будет, когда я встречу с Иваром? Дрожь пробирает все мое тело.

Достаю кольцо и смотрю на его змеистые черные узоры. Эта загадочная вещь должна помочь мне вернуть моих детей, должна помочь наказать Ивара, но почему же она так терзает меня саму?

Сколько раз я пыталась применить к ней свой дар, кото-

рый позволяет видеть мне суть любой вещи, но на это кольцо он словно бы не распространяется, словно суть его всегда была неизменной. Словно оно пришло в этот мир именно в таком виде. Но кто-то же изготовил его? Кто-то же наделил его этой странной таинственной силой?

Чувствуя почти нестерпимую потребность снова испытать свой дар, трогаю покрывало на кровати и прикладываю усилие, чтобы увидеть его историю. Комната почти сразу исчезает и вокруг начинают мелькать совсем другие места в которых было это покрывало. Вижу, как его везли сюда через пол страны, вижу, как его ткали, потом оно распадается на нити, вижу как их красят, вымачивая в ярко-зеленом соке добытом из драконьего листа, чувствую его умиротворяющий запах, напоминающий мне о матери, которая так любила выращивать его, хоть он и не приносил никакой особенной пользы для ее хозяйства. А дальше у меня появляется выбор, проследовать за каждым мотком в самую глубину.

Останавливаюсь и отпускаю руку. Прошрое этой вещи сразу исчезает. Но сколько я ни пытаюсь применить мой дар к странному кольцу, ничего не выходит. Однако, я снова и снова пытаюсь сделать это, напрягая все усилия, и верю, что это поможет мне, верю, что все сразу станет ясно...

Клем разбирает наши вещи и что-то говорит мне без умолку, но я даже не слышу ее слов, лишь сосредоточенно изучаю узор, пытаюсь проникнуть в его тайну.

Я смотрю так пристально, что в какой-то момент мне

начинает казаться, что узор на кольцо начинает двигаться, словно переплетенные змеи меняют свое положение, приходят в движение. Я сосредотачиваю все силы.

В глазах двоиться, а вокруг меня все начинает вибрировать и звучать на очень низкой ноте, нестерпимо низкой., от этой ноты все внутри содрогается.

— Элис! — вдруг слышу я голос Клем и чувствую, ее прикосновение к моему плечу.

— Да? Что? — отрываюсь я от кольца и обращаю на нее внимание.

— Я уже пять минут тебя зову, — встревоженно говорит она, — ты словно бы застыла, как статуя, таращишься в это кольцо и бормочешь что-то на непонятном языке... Очень страшно. Я испугалась.

— Правда?

— Да, сначала я думала не трогать тебя, но потом испугалась, что оно засосет тебя совсем...

— Не засосет, — с улыбкой говорю я. — Мама не стала бы оставлять мне то, что может мне навредить, я уверена в этом.

— Но почему она не оставила никаких инструкций?

— Этот вопрос я сама себе задаю постоянно.

Я беру со стола книгу, которую КЛем вытащила из чемодана и смотрю на простую кожаную обложку. С виду ничем не примечательный пустой блокнот для записей.

Перелистываю пустые страницы уже в который раз, и ви-

жу то, что уже видела.

Книга, так же, как и кольцо, не поддается на мой дар. Я не вижу ее прошлое, она словно бы тоже появилась в мире в одночасье и не имела никакой истории. Или моей силы просто недостаточно, чтобы увидеть ее?

Касаюсь единственной надписи на самой первой страницы, надписи, сделанной рукой моей матери.

«Элис, заполни эту книгу знаниями, которые хочешь запомнить и передать другим. Эти страницы сохраняют их лучше, чем что-либо другое.»

Знаниями... У меня нет никаких знаний, мама. Похоже, книга эта еще долго будет пуста, если я вообще переживу этот отбор и кольцо не убьет меня раньше, чем я пойму, как пользоваться его силой без вреда для себя.

— Не вешай нос! — говорит Клем. — Мы уже прошли большой путь. Мы здесь, и совсем скоро ты покажешь, кто в этом месте хозяйка!

— Я боюсь, что кольцо может разорвать меня на части, если придется быть на виду у толпы людей.

— Слушай, поначалу ты и десяти минут не могла с ним проходить. Теперь ты уже можешь делать это больше в несколько раз. Твой дар явно становится сильнее, или ты лучше им управляешь.

— Я ничем не управляю, — развожу я руками. — Здесь написано, что я должна заполнять книгу знаниями, но откуда им взяться?

— А ты подумай. Чего-то же ты успела узнать...

Я понимаю, что Клем права. Я действительно владею своим даром лучше, чем в самом начале. Например, прикасаясь к растениям, я могу видеть их свойства, у одних целебные, у других губительные. Прикасаясь сразу к нескольким растениям, я могу видеть то, как одно может усилить другое. И чем дальше, тем более тонко я это чувствую. Прикасаясь к металлам, я могу в точности сказать, насколько они чисты и какие в них есть примеси. Одно это умение, само по себе уже чего-то да стоит. И я уверена, что о многих гранях моего дара я еще даже не имею представления.

Что если я смогу найти что-то, что поможет мне справиться с негативным воздействием кольца? Это будет подходящей информацией для записи.

Ппока я только успела выяснить, что огненный остролист в сочетании с могильным выюном может ненадолго избавить человека от страха, если смешать их в равной пропорции. Мы даже попробовали эту смесь на Клоде, и он на два часа совершенно утратил всякий страх и полный эффект, похоже, не выветрился до сих пор, если обратить внимание на то, как хорошо он держался.

Что ж, улыбаюсь я про себя, можно записать и это...

Я достаю перо, макаю его в чернила и уже собираюсь сделать первую запись, как вдруг слышу стук в дверь.

— Госпожа сейчас занята, — слышу я голос Клем, и быстро захлопываю книгу, после чего сразу торопливо надеваю кольцо.

— Да, да, все мы заняты, очень заняты, я в курсе, милая. Я всего лишь хотела поздороваться.

— Она сейчас не может, я же говорю вам, или вы языка не понимаете?

— Все нормально, Клем, — говорю я, и подхожу к двери. В дверях передо мной стоит очень красивая девушка с пронзительно голубыми глазами, форфоровой кожей и очень густыми золотисто-медными волосами. Она приветливо улыбается мне и не спрашивая разрешения входит в мою комнату.

— А я видела, как вы только въехали, — говорит она, рассеянно оглядывая наши вещи, которые мы еще не успели распаковать. — хорошенькая вам досталась комнатка, и вид ничего.

Она подходит к окну и распахивает занавески, впуская яркий свет заходящего солнца. После чего бесцеремонно усаживается в кресло и вопросительно смотрит на меня.

— Я Марианна Гибсон, если вам о чем-то скажет это имя, — наконец представляется девушка.

— Очень приятно, Адриана, — я прикрываю дверь и чув-

ствуя себя донельзя странно, сажусь напротив нее.

— Я торчу здесь уже две недели и ничего не происходит, — капризно надует она губки. -- Невыносимая скука. Уже жалею, что заявила на этот отбор. И дракона этого я видела лишь раз и то мельком.

— Так вы тут не по своей воле?

— Не совсем. Мой отец сказал, если я выиграю этот отбор, он оставит наследство мне, а не моей старшей сестре и ее детишкам. Она, видишь ли, вышла замуж за какого-то генерала, тот сделал ей двоих детей да и отдал концы. А я говорила, что выходить за старикашку - это очень плохая идея, но меня никто не слушал.

Она вскакивает с кресла и начинает рыться в шкафу со стеклянными дверцами, продолжая говорить.

— Я, честно говоря, терпеть не могу мою сестрицу, она хоть и старшая, но глупая, как корова, и дети у нее некрасивые. Все, что мне хочется — это утереть ей нос, показать, кто главный, если ты понимаешь о чем я. О! Да тут есть неплохой коктейль с южного берега!

Она выуживает бутылку из шкафа и три маленьких стаканчика.

— Я надеюсь, вы не какие-нибудь скучные зашоренные снобки, вроде леди Дамп? Эта тридцатилетняя дура с кислой рожей меня особенно раздражает. Не понимаю, почему никто не видит, что она уже старая? Черт его знает, как ей удалось провести приемщиков.

Она разливает напиток по стаканчикам и дает один мне, а другой КЛем, третий же берет сама.

— Выпьем за наше знакомство и сотрудничество, — говорит она и залпом глотает коктейль.

На лице ее тут же проступает очаровательный кукольный румянец и блаженная улыбка.

— Превосходно! Просто чудесно!

Она снова садится в кресло и продолжает говорить без умолку, похоже, совершенно не заботясь о том, слушает ее кто-то или нет.

Мы с Клем только недоуменно переглядываемся. Она пожимает плечами и тоже выпивает. Похоже, решив просто послушать, с чем пришла эта странная особа.

— Так я и оказалась здесь. А что насчет тебя? Я слышала, что ты из каких-то южных земель, из обедневшего рода.

Я ставлю стакан с напитком на стол.

— Мой род хорошо известен, но в прошлом имел несколько сложных периодов, — уклончиво говорю я.

— Отлично тебя понимаю, — понижает она голос, и ее тон становится более доверительным. Она придвигается ко мне и берет меня за руку, отчего я тут же начинаю испытывать сильную боль, но не тороплюсь отдергивать ее, чтобы не отпугнуть гостью. Пока не понятно, зачем она пришла, но я сама хотела разузнать побольше про моих соперниц, а тут одна из них заявила сама...

— Ты же отдаешь себе отчет в том, что выиграть у те-

бя нет практически никаких шансов? Ты слишком молодая, слишком хрупкая, слишком, эмм... как я вижу, наивная. Не подумай, что я хочу оскорбить, но сколько тебе лет? Восемнадцать? Ты ведь наверняка не выезжала из своей провинции, совсем не знаешь людей, совсем не понимаешь, как все устроено. Я угадала?

— Мне восемнадцать, — говорю я, глядя ей в глаза, — исполнилось этим летом.

Она кивает, словно я сказала что-то чрезвычайно умное.

— Я слышала тебя сюда привез твой брат. Довольно милый парень, если верить слухам.

Удивительно, насколько быстро она умудрилась все разнюхать. Что еще она знает? По спине пробегают неприятные мурашки. То, о чем меня предупреждали, похоже, начинает сбываться. Каждый здесь хочет победить и у многих из них ресурсов достаточно, чтобы нанимать людей, которые будут искать информацию, чтобы использовать ее в дальнейшем.

— Да, Клод очень хороший, — говорю я.

— С радостью бы с ним познакомилась! — говорит она и, наконец, отпускает мою руку.

— Он тоже был бы рад...

И тут она замолкает и серьезно смотрит мне в глаза.

— Я предлагаю раскрыть все карты сразу. Давай расскажу тебе, как все выглядит. — говорит она серьезным голосом. — Вы нищие, приехали отсюда из какой-то дыры. Только не обижайся, это ведь правда. Претендуете на руку и серд-

це дракона и его безумно огромное состояние. Думаю, даже вы, какими наивными бы вы ни были, осознаете, что победить вам не удастся. А теперь, когда выяснилось, что за отбором будет следить сам король... Все изменилось, понимаешь?

— Что изменилось? — спрашиваю я, пытаюсь понять, к чему она клонит.

— Ты хорошая девочка, я вижу по глазам, но ты не боец. Ты слабая. Это не оскорбление, это просто то, что есть. Не обижайся. Я знаю, что ты веришь в чудеса, наверняка начиналась книжек про принцесс, про любовь и про всю эту сопливаю чушь. Но это все глупости. Если ты не провалишься сразу же, и дойдешь до главных испытаний, тебя выдавят любыми способами. Честными....

Она наливает себе еще и выпивает.

— И нечестными. Понимаешь о чем я?

— Кажется, да.

— Так вот я предлагаю тебе пять тысяч золотых, гарантированных золотых, которые позволят тебе поднять твоё жалкое поместье и иметь хоть какое-то приданое. Следишь за моей мыслью?

— И что я должна сделать?

— Не мешать мне. А лучше помогать. Ну как, справедливая сделка, Адриана?

— Звучит, как целое состояние, — говорю я, пытаюсь придать голосу столько наивной искренности, сколько могу. А

дальше говорю почти шепотом, — что, если я откажусь?

— Это было бы очень глупо с твоей стороны, моя хорошая, — говорит она в ответ. — Такие деньги на дороге не валяются, знаешь ли.

Голос ее становится уже не таким приветливым, как раньше, обретая стальные нотки.

— Мне нужно поговорить с братом, — уклончиво говорю я. — Мы проделали такой большой путь, и все это так неожиданно.. Разумеется, это огромные деньги...

— Десять тысяч, и ты не путаешься под ногами,, — в голосе Марианны звучит стальная твердость. Ее лицо уже не кажется таким милым, а улыбка больше похожа на звериный оскал, но это кажется лишь на мгновение. Она спохватывается и снова начинает говорить мягко.

— Ладно, я подожду. Это все мое дурацкое нетерпение. Моя мать такая же, совершенно не умеет ждать и терпеть не может, когда у нее на пути кто-то стоит. А вас таких тут целых пятнадцать.

Марианна откидывается на спинку кресла и кладет свои холеные руки на подлокотники. Стучит безупречными ногтями по резному дереву, покрытому золотом.

— Ходят слухи, что она отравила первую невесту отца, чтобы заполучить его, представляешь? Иногда, глядя на нее, мне кажется, что я унаследовала большую часть ее безумия.

Она снова наливает себе и выпивает.

— А от отца унаследовала вредные привычки, — она издает нервный смешок. — Но надо отдать ей должное, вместе со своими скверными чертами, она поделилась со мной и своей красотой.

Она снова подается вперед и говорит почти шепотом:

— Я в любом случае получу, то, что хочу. Разница только в том, сумеешь ли ты выйти из этого с выгодой для себя. Так что поразмысли своей хорошенькой головкой и поговори со своим братиком, будь умницей.

— Хорошо, — говорю я, делая вид, что ее слова до смерти меня перепугали.

Ничего не скрывает, ничего не стесняется, угрожает почти напрямую. Что же, похоже, она считает себя совершенно неуязвимой. С одной стороны хорошо, что она говорит все напрямую, так я смогу использовать эту информацию, и быть готовой, если она соберется сделать удар в спину. А с другой стороны, если она так уверена в себе, она действительно может оказаться смертельно опасной соперницей. Она действительно очень хороша собой и явно собирается употребить все, что только возможно, чтобы выиграть.

— Да и к тому же, мне придется огорчить тебя, если ты вдруг решила, что Ивар Стормс это отличная пара. На самом деле он в страшных долгах, и даже занял огромную ссуду у барона Ридли, чтобы провести этот отбор. Так что, стремясь поправить свои дела, ты можешь оказаться в еще более ужас-

ном положении. Похоже, князь несдержан в тратах и слишком много себе позволяет. Ивар Стормс, судя по всему, нищий и вся его надежда на то, что король сделает его своим советником. Но что, если нет?

— Но он же дракон... Как он может быть нищим? — говорю я, тщательно изображая потрясение.

— Милая девочка, ты так много еще не знаешь. Этот мир не для тебя. Тебя возьмут на зубок и хруснут твоими маленькими косточками. Такой наивной душе, как ты, нечего тут делать.

— Но зачем тогда вы хотите его руки... ?

— Я хочу чтобы мой ребенок был драконом, — твердо говорит она. Мой отец вытащит Ивара Стормса из его затруднений и сделает его благодарной собачкой. Так что всем командовать буду я.

Вопреки словам Марианны, я отлично знаю, что состояние Ивара оценивается миллионами, знаю, что его род куда богаче, чем думают все остальные. Стормсы всегда приbedнялись, делая вид перед другими, что находятся на грани, и пока остальные верили в это, они приумножали свои богатства. Интересно, знает ли об этом Марианна Гибсон?

— Я рада, что ты меня услышала, малышка, — говорит она и встает .шурша юбками. — Спасибо за выпивку! Я еще забегу к тебе поболтать, если ты не возражаешь.

— Конечно, — говорю я и тоже встаю.

Она подходит ко мне и пристально смотрит мне в глаза.

Потом гладит меня по плечу и говорит серьезным голосом.

— Ты мне понравилась, надеюсь, мы станем подружками.

— Я тоже надеюсь, — говорю я, подыгрывая ей.

— Хорошенько подумай о том, что скажешь мне, подруга,

— говорит она на прощанье и выскальзывает из комнаты.

— Десять тысяч, — шепчет Клем, — это же целое состояние.

Я захлопываю дверь, снимаю кольцо и облегченно вздыхаю.

— Десять тысяч это ничто, в сравнении с тем, что она может заполучить, захомутав Ивара. И знаешь что? В некотором роде я бы желала ей успеха, что-то мне подсказывает, что если бы эта особа стала женой Ивара, она сжила бы его со свету за пару лет. Незавидная участь иметь такую жену...

— Значит она ошибается? Сколько же у него денег на самом деле? — простодушно спрашивает Клем.

— Миллионы, много миллионов золотых драконов. Если бы Ивар захотел, он купил бы все, что принадлежит ее отцу четыре раза и даже не заметил бы, что денег стало меньше.

— Миллионы? — Клем прикрывает рот рукой. — И что ты ей ответишь?

— Мы должны тянуть время и следить за ней и за другими. Думаю, к нам еще заявится пара человек, если я что-то понимаю в людях.

— Если тут все такие, как она, то мы с тобой попали в этот, как его... Ну, где змеи живут, — задумчиво говорит

Клем.

—Сerpентарий... И если так, то нам срочно нужно отра-
щивать зубы, — говорю я.

Стоит мне немного прийти в себя после визита Марианны, как снова кто-то ломится в дверь. На этот раз нас посещает суетливая женщина средних лет.

Она не смотрит в глаза и только и делает, что безостановочно бубнит себе под нос. Так что мне даже приходится остановить ее в какой-то момент.

— Простите, — смотрю я на нее с недоумением, не понимая, чего она хочет.

— Мисс Де Вьяр, меня зовут Айана, через считанные часы, начинается ужин с князем, вам нужно быть готовой. Я здесь, чтобы проследить, что вы будете выглядеть должным образом.

Она практически врывается в комнату и за ней идет еще две служанки, которые тащат одежду.

— Будем подбирать наряд из того, что есть, — говорит женщина и деловито раскладывает платья, примеряя ко мне, то одно, то другое.

— Вы должны выглядеть естественно — это главное требование. Никаких украшений, никакого макияжа. Князь Ивар должен видеть вас в вашей первозданной красоте, понимаете? Сделать из дурнушки красотку - не такая уж трудная задача для того, кто имеет опыт в подобных делах. Так что в вашем облике все должно быть совершенно натураль-

но.

Она прикладывает ко мне одно платье за другим, пока не перебирает их все.

В конце концов она спрашивает меня какое из них мне нравится и пытливо смотрит на меня, ожидая ответа.

Я смотрю на разложенные платья. Некоторые из них, не смотря на слова женщины о том, что все должны одеваться скромно, выглядят достаточно вызывающе и роскошно. Золотые розы вышитые на красном бархате, жемчужные вставки, изображающие нежные лилии на небесно-голубом шелке, белоснежное платье из легчайшей ткани, которое идеально подчеркнуло бы мою фигуру во всех нужных местах. Но это все мне не подходит...

Внимание мое останавливается на скромном на вид зеленом платье с темно-зеленой вышивкой. Приглядываясь и с улыбкой подмечаю, что вышиты на нем веточки драконьего листа. Я знаю, что такая ткань стоит целое состояние, как и тонкая ручная работа, но на взгляд человека несведущего, сложно найти что-то более скромное и сдержанное. .

— Интересный выбор, — говорит женщина и кивает. .

При упоминании Ивара внутри меня начинает нарастать беспокойство. Осталось всего ничего, а я чувствую, что совсем не готова к этой встрече. Но, похоже, я не буду готовой никогда.

Женщина ловко снимает с меня мерки, записывает все на листке бумаги и передает платье своим помощницам.

— Скажите Соммерсу, что у него есть всего два часа, чтобы подогнать наряд.

— Будет исполнено. тихо говорит служанка и кланяется, осторожно забирая платье.

— Все остальные здесь минимум по несколько дней, а вы прибыли в самый последний момент, — говорит Айана, так что все приходится делать на лету.

Она впервые за все время одаривает меня легкой улыбкой.

— А теперь мы что-то сделаем с вашими волосами. ..

Когда приносят готовое платье, я лежу завернутая с головой в одеяло, пытаюсь прийти в себя после невыносимо бесконечного времени проведенного с кольцом на пальце. Я тяжело дышу пытаюсь успокоить боль в голове и не в силах даже шелохнуться. То, как долго и тщательно эта женщина со своими помощницами приводили меня в порядок, постоянно трогая меня. заставляя тем самым чувствовать ужасную боль, выжало из меня почти все силы. Так что я теперь отчаянно благодарила небеса, что они все наконец убрались и я могу побыть без кольца на руке.

— У тебя есть еще пятнадцать минут, — с тревогой говорит Клем.

— Хорошо, — говорю я и пытаюсь расслабить пульсирующую голову.

Нет, так я долго не выдержу, нужно что-то придумать. Но что?

Постепенно боль отступает и я потихоньку вылезаю и заставляю себя надеть зеленое платье и посмотреть на себя в зеркало.

— Идеально, — говорит Клем, с восторгом глядя на меня. — Но почему ты выбрала такое скромное платье?

— Не знаю, — говорю я, — мне захотелось именно это. Видишь, что тут вышито?

— Солнцелист, — говорит Клем.

— Да, еще его называют драконий лист. Моя мама очень любила его.

Снова раздается стук в дверь и сразу же в комнату влетает Айана, и я радуюсь, что мне хватило предусмотрительности надеть кольцо до того, как она ворвалась.

— Волшебнo! — говорит она, — он сделал все в лучшем виде. Я уж думала подведет. Но вы выглядите просто превосходно. Хотя, похоже, вы выбрали самый скромный наряд из всех.

— В скромных вещах иногда скрыта сила, о которой никто не подозревает. — задумчиво повторяю я слова матери, которые слышала много раз, глядя на себя в зеркало.

Айана лишь кивает и делает пригласительный жест, предлагая мне проследовать за нею.

— Все уже собираются. Нехорошо заставлять князя ждать. Мы идем по коридору, я отмечаю, что за окнами уже су-

мерки и все внутри замка залито ярким светом свечей и фонарей. В коридоре пустынно и наши шаги звучат особенно гулко и как будто оглушительно громко.

Наконец, мы доходим до большого зала, где освещение еще ярче и двери распахнуты. Айана останавливается и говорит:

— Пройдите в зал и займите свое место. Князь скоро придет.

— Спасибо, за помощь, — говорю я, пытаюсь сдержать предательскую дрожь в голосе.

— Это моя работа. Удачи.

Я отворачиваюсь от женщины и вхожу внутрь.

На меня сразу же устремляется пятнадцать пар глаз девушек, моих конкуренток. И беглого взгляда на них достаточно, чтобы понять, что взгляды эти отнюдь не добрые.

От такого количества оценивающего внимания одновременно, я почти физически чувствую, как трещит моя иллюзорная оболочка, вызывая во мне дикую боль, так что я едва не спотыкаюсь на ходу.

Заставляю себя дышать ровно и держать голову высоко поднятой. Смотрю по очереди в глаза каждой девушке., стараясь выглядеть дружелюбно и безобидно. Слегка улыбаюсь им, но ответной улыбки, похоже, мне дожидаться не суждено.

Все девушки сидят за столом, богато накрытым, как для праздничного ужина, за каждой из девушек стоит официант, готовый услужить в любой момент. В зале царит такая атмосфера, будто сейчас должно произойти что-то невероятно важное и торжественное, так что я невольно заражаюсь этим чувством.

Все девушки явно постарались занять место поближе к главе стола, где, должно быть, должен сидеть Ивар. Там уже стоит богато украшенное пустующее пока что кресло, которое почти могло бы сойти за трон. И конечно, ближе всего к этому креслу сидит Марианна. Она единственная улыбается мне и кивает, словно увидела добрую знакомую.

Похоже, она считает, что может позволить себе показное дружелюбие, и ее приветливость сильно контрастирует с напряженной сосредоточенностью всех остальных.

Сейчас она выглядит такой приветливой, такой милой и голос ее, когда она говорит с другими, кажется таким участливым, что я едва могу узнать в ней ту откровенную и расчетливую девушку, что приходила ко мне днем с откровен-

ными предложениями..

Когда она отворачивается от меня и продолжает негромкий разговор со своими соседками по столу, почти все взгляды обращаются к ней, что для меня, нужно признаться, весьма кстати. Напряжение кольца тут же ослабевает и боль исчезает почти полностью. По тому, насколько внимательно и увлеченно ее слушают, можно определить, кого из здешних девушек она уже обработала и склонила на свою сторону.

Я отмечаю среди девушек высокую золотоволосую особу в красном платье и нахожу в ней нечто схожее с собой в моем истинном облике. Она единственная не обращает никакого внимания на Марианну и продолжает то и дело поглядывать на меня, когда я занимаю место в самом конце стола.

Осознаю, что мне жизненно необходимо изучить каждую из девушек, чтобы понять, с кем я буду конкурировать в этом отборе, и чем раньше, тем лучше.

Нужно понять, кто, кроме Марианны собирается играть не по правилам, кто уже объединился в союзы за те дни, что предшествовали этому ужину. И кто может стать для меня наибольшей помехой.

Клем я уже поручила поболтать со служанками, чтобы разузнать по возможности об этих девушках. Я прислушиваюсь к тихим разговорам, и понимаю постепенно, что кроме Марианны, внимание собирает на себе самая старшая на вид участница - темноволосая девушка с со словно застывшей на лице недовольной гримасой. Она говорит громче остальных

и никто ее не перебивает, то ли из уважения, то ли из страха...

— Наша семья ведет свою родословную из самых глубин истории, — говорит она девушке в голубом платье и та благодарно и восхищенно внимает, — одно время наш род был так силен, что уступал только королевскому. Поэтому наше имя, в отличие от некоторых, — при этом она красноречиво смотрит на Марианну, — имеет все шансы и право занять достойное положение в этом отборе.

— Да, про род Дамп знают все, — охотно кивает девушка в голубом, — я так рада с вами познакомиться.

Так рада, что, похоже, забыла. зачем здесь находится. Ну, или делает вид. Однако, ее восторг кажется вполне искренним. Когда-то, когда я была юна и только познакомилась с Иваром, и я так же смотрела на всех высокородных, как на богов, спустившихся с небес, чтобы облагодетельствовать простых смертных.

— До конца ведь дойдет только одна, а они общаются так, словно собрались стать лучшими подругами.

Я поворачиваю голову и встречаюсь взглядом со своей соседкой. Голос ее звучит спокойно и отстраненно, как будто ее вообще мало интересует происходящее. Она поправляет свои белоснежные волосы и бросает на меня оценивающий взгляд серых глаз.

— Решила выделиться скромностью, надев эту деревенскую тряпку? — спрашивает она, чуть наклоняясь ко мне, --

Неплохая идея.

— Вам не нравится зеленый цвет? — спрашиваю я.

— Зеленый - цвет уныния.

— В таком случае, желтый - цвет легкомыслия, — говорю я кивая на ее платье.

— Значит мне подходит, — улыбается она. — Ты ведь Адриана? Запрыгнула на лодку в последний момент?

— Да, похоже на то...

— Меня зовут Аманита Коэн, говорит она.

— Очень приятно, — отвечаю я. — Но мне ни к чему знать ваше имя, ведь мы не станем подругами.

Она издает легкий смешок.

— А ты маленькая, но. похоже, не глупенькая. Ты мне нравишься, — говорит она.

— Рада слышать.

— Но я решила, что мне нужно победить, а я никогда не проигрываю, Адриана.

— Таких как вы тут еще пятнадцать человек.

— Эти? Нет, половина из них ничего не стоят. Половина из оставшихся провалятся сразу же. А вот оставшиеся, возможно, могут составить какую-то конкуренцию.

— Интересно. И в какую же группу вы определили меня?

— Ты чертовски красивая маленькая стерва. Думаю, у тебя высокие шансы, — она едва заметно морщит свой безупречный нос и поджимает пухлые губы. — Но это не важно. Я все равно лучше во всем.

— Главное - верить в себя, — говорю я, искренне улыбаясь.

— Главное - держать ухо востро.

— А вы уже видели дракона? -- спрашиваю я.

— Моего будущего мужа? Конечно, я понравилась ему так сильно, что он хотел отменить отбор и взять в жены меня сразу же. Но как мужчина, он должен соблюсти формальности, раз уж затеял все это.

— Буду иметь ввиду, что вы опасная соперница.

— Опасная - Марианна, а я непобедимая, — гордо говорит Аманита, так что я с трудом могу понять, шутит она, говорит серьезно, или просто пытается вывести меня из себя своей самоуверенностью. Будь я той, за кого себя выдаю, юной восемнадцатилетней девушкой из провинции, я возможно, была бы впечатлена ее уверенностью, но сейчас я вижу за ее словами только скрытый страх и попытку замаскировать его неуместной бравадой.

— А ты видела? — в ее взгляде сверкает любопытный огонек.

— Пока нет.

В ответ она лишь качает головой. А спустя мгновение меняется в лице.

— А вот и наш князь.

Все взгляды устремляются в сторону дверей, в которые быстрым шагом входит Ивар. Он не смотрит на девушек и что-то раздраженно говорит Ридли, который идет рядом с

ним.

Сердце мое замирает от страха и внутри тут же взмывается целый ворох воспоминаний, который все это время я старалась не тревожить. Его голос, его походка, эти глаза, которые я так любила когда-то... Как будто не прошло этих долгих месяцев, полных боли, потерь и отчаяния. Для него ничего, кажется, не изменилось, он все тот же Ивар Стормс, каким был всегда.

Он бросает на стол какой-то ящик, садится в свое кресло и лениво окидывает взглядом претенденток. Я отвращаюсь, чтобы его взгляд не коснулся меня, боясь, что он может увидеть мой истинный облик сквозь обманную оболочку, что создает кольцо.

-- Давай разделаемся с этим побыстрее, -- говорит он раздраженно и щелкает замками ящика, который принес с собой. -- Пусть подходят ко мне по очереди.

Я чувствую, что не в силах посмотреть туда, откуда раздаётся его голос. Ивар говорит лениво и как-то хрипло, как будто ему стоит усилий произносить слова. Я не помню, чтобы раньше он так говорил. Заставляю себя бросить на него взгляд и отмечаю, что внешне в нём что-то переменилось.

Вот он, тот, кто причинил мне столько зла, тот, из чьих лап я должна вырвать моих девочек. Сердце пропускает удар. В голове мелькает безумная мысль: встать сейчас, снять кольцо и бросить ему в лицо все слова, всю боль, всю ненависть.

Чувствую, как мои руки заметно подрагивают, и прячу их, чтобы это не было видно.

— Не бойся, малышка, — слышу я шёпот Аманиты, — он не кусается.

Я смотрю ей в глаза и всё, что могу, лишь покачать головой. Если бы она только знала. Если бы хоть кто-то знал.

В сердце заползает непрошенный страх. Вдруг он всё же раскусит меня? Вдруг распознает ненастоящую личину и довершит то, что начал? Нет, нельзя думать о плохом. Пока ещё никто не заподозрил ничего. Кольцо работает, и оно работает хорошо, и оно будет так же работать на него. Я должна думать только о том, как расположить его к себе, только о том, как выиграть в этом отборе, чтобы узнать, куда он дел новорождённую, чтобы вырвать из его лап Лили. Если бы я

только могла, я бы нашла девочек прямо сейчас и бежала вместе с ними из этого проклятого замка...

Нужно заставить себя посмотреть на это чудовище. Он ничего мне не сделает. Я здесь только для одной цели. Если нужно, я влюблю в себя этого мерзавца и выведаю тайну о том, где он спрятал мою вторую дочь. С этим обликом это будет не сложно, тем более что я знаю его лучше любой из этих девушек.

Смотрю на Ивара, стараясь представить, что вижу его впервые в жизни, так, как видела бы его настоящая Адриана, если бы она существовала...

Он достаёт печати одну за другой из ящика и бросает их на стол, не глядя на нас. Кажется, ему совершенно всё равно. Он всё это затеял и теперь потерял к этому интерес?

Глядя на него, я невольно отмечаю перемены. Мне кажется, или он и вправду постарел за эти полгода? Как будто на лице его прорезались глубокие морщины, а волосы, которые всегда были густыми и яркими, теперь поредели и кажутся безжизненными. Он всегда таким был, и свет моей любви к нему затмевал его недостатки, или он и вправду изменился?

Он встаёт и с шумом отодвигает кресло, на котором сидел. Я вижу, как он морщится, словно от боли. Если бы я не знала, что он дракон, я бы заподозрила, что он болен чем-то. Как странно. Ивар, который всегда был переполнен силой, теперь похож на молодого старика. Что же с ним не так? Неужели боги увидели его грехи и послали ему то, что он

заслуживает?

— Марианна Гибсон, — говорит он и достаёт из ящика печать на золотой цепочке.

Отсюда я не вижу, что изображено на печати, но догадываюсь, что она соответствует наряду, который она выбрала.

Марианна лучезарно улыбается и лёгкой походкой подходит к дракону, подставляя ему шею.

— Готова ли ты участвовать в отборе?

— Готова.

— Понимаешь ли ты, что тебе придётся пройти каждое испытание, что бы ни случилось, ты не сможешь отказаться?

— Я понимаю. И я готова.

— Готова ли ты составить моё счастье в случае своей победы?

— Готова.

— Знаешь ли ты, что на время отбора ты принадлежишь мне и уже являешься моей женой в глазах богов?

— Знаю.

— Тогда прими эту печать, как знак моей готовности взять тебя в истинные жёны, если ты будешь достойна. Ты не сможешь снять её до того, как кончится отбор, и не сможешь покинуть пределы моих земель, печать не пустит тебя.

— Спасибо, — говорит она, и явно просто готова разорваться от восторга, когда Ивар надевает на неё золотую печать.

— Я буду вашей женой, князь! — не удерживается она и

берёт его за руку.

Он отдёргивает руку и смотрит на неё с каким-то странным выражением. На его лице проявляется маска презрения и недовольства, словно её прикосновение неприятно ему.

Он что-то говорит Ридли, нетерпеливо задаёт несколько вопросов. Но Ридли качает головой и настойчиво что-то шепчет в ответ.

Ивар вздыхает и берёт следующую печать.

— Солана Майер, — говорит он хриплым голосом и не обращает никакого внимания на девушку в синем платье, что подходит к нему и делает реверанс.

— Здравствуйте, князь, я так рада, что вы сочли меня достойной...

— Да, да... — равнодушно бросает он и выуживает из ящика следующую печать.

— Согласна ли ты на всё, что было сказано прошлой, хм, претендентке?

— Да! — восторженно говорит она, и он быстро надевает на неё печать.

Когда очередь почти доходит до меня, он снова обращается к Ридли. И на этот раз я слышу, что он говорит.

— Мне нужно выпить зелья, — он явно говорит громче, чем собирался, и это не ускользает от меня. Как и от многих других. — Голова раскалывается. Прикажи слугам принести.

Ридли отходит и отдаёт распоряжения молодому слуге, и тот тут же выбегает из зала.

Следующей идёт моя соседка Аманита.

Когда печать уже щёлкает у неё на шее, слуга возвращается и подносит Ивару стакан с какой-то жидкостью. Он выпивает её залпом и закрывает глаза, явно испытывая наслаждение. Он медлит несколько мгновений, не обращая ни на кого внимания, а затем достаёт из ящика последнюю печать.

— А сейчас будет та, о которой я тебе говорил, — нетерпеливо произносит Ридли.

— Адриана Де Вьяр, — говорит Ивар, и от того, что произносят моё имя, сердце начинает колотиться.

Я встаю и стараясь унять дрожь, иду к Ивару, а спустя мгновение наши взгляды впервые встречаются.

— А вот это уже что-то интересное, — говорит Ивар, и я вижу, как глаза его загораются. Взгляд его тут же становится хищным, как будто все девушки, которых он видел до этого, вообще не вызвали в нём никаких чувств.

Боль тут же стискивает меня острыми тисками, и я едва могу дышать, пока его взгляд скользит по моему лицу, по шее и ниже. Он смотрит на меня так жадно и открыто, что мне кажется, будто я слышу рык дракона, который живёт в нём. Стараюсь смотреть на него смело, не показывая вида, что я от волнения и боли едва дышу.

Он приближает своё лицо к моему и шумно вдыхает. Я чувствую запах, который от него исходит, и он будит во мне такую бурю воспоминаний, что я едва удерживаюсь на ногах. Мне кажется, что сейчас он разорвёт на мне платье и, не обращая внимания на всех присутствующих, возьмёт то, что хочет. Я знаю этот взгляд, я видела его бесчисленное число раз, пока была его женой. И если раньше он сулил мне наслаждение, то теперь я испытываю только боль и ужас. Все мысли проносятся в голове за секунду, пока его горящие янтарём глаза словно высасывают из меня всю жизнь.

— Кто ты такая? — спрашивает он, почти касаясь моих губ своими. — Я видел такие глаза только у одной женщины... Откуда ты взялась?

— Из восточной провинции, князь, моя семья не очень известна, — говорю я через силу, пытаюсь подавить в себе желание тут же оттолкнуть его, убежать, спрятаться, чтобы он не смотрел на меня и не терзал меня своим взглядом. Боль хватает меня с неистовой силой, пока он жадно смотрит на меня, а в следующую минуту он касается пальцами моей щеки, и боль становится просто невыносимой.

— Красивое имя... — говорит он. — Ты первая из претенденток, что пробудила во мне огонь.

Он говорит тихо, так что слышать его могу только я, но я чувствую на себе полтора десятка ненавидящих меня глаз. То, как он отреагировал на меня теперь, при первой же встрече, вызовет дикую зависть, в этом нет никаких сомнений.

— Рада это слышать.

— Почему ты дрожишь?

— Здесь холодно, — отвечаю я, но дрожу я вовсе не из-за этого.

— Хочешь, я согрею тебя, Адриана?

Он берёт мои руки в свои, и всё, что мне остаётся, это терпеть.

— Какая нежная кожа, — говорит он. — Я могу согреть тебя гораздо лучше этой ночью...

— Простите, князь, я не понимаю,, — говорю я и пытаюсь высвободиться.

— Мой дракон давно не испытывал ничего подобного, —

шепчет он мне на ухо. — Я могу сделать тебя счастливой.

— Я буду рада составить ваше счастье, если богу будет угодно...

— Нет, я могу сделать тебя счастливой прямо сейчас.

— Ивар, — вдруг обрывает его голос Ридли. Я вижу, как его рука ложится на плечо Ивара, — ты, кажется, забыл про печать. Это всё-таки официальная церемония, и нужно бы соблюсти её так, как полагается.

— К чёрту церемонию, — рывкает на него Ивар. — Я выбрал ту, что хочу получить, мне не нужен отбор.

Говоря это, он продолжает пожирать меня глазами, отчего я начинаю дрожать ещё сильнее.

— Так дело не пойдёт, дружище, — говорит Ридли. — Завтра прибывает король, ты же знаешь, и он будет весьма раздосадован, если обнаружит, что никакого отбора не было и ты закончил его ещё даже не начав. Я понимаю, что эта девица тебе понравилась, она и мне понравилась, врать не буду. Но только отбор покажет, кто действительно достоин стать твоей женой. Ты сам это выбрал, и придётся довести все это до конца.

— Какой ты скучный, — говорит Ивар и нехотя отворачивается от меня. Наконец, я могу хоть немного передохнуть.

С благодарностью смотрю на Ридли, который что-то толкует Ивару.

А потом бросаю взгляд назад и вижу то, что и ожидала: все девушки смотрят на меня так пристально, что у меня та-

кое чувство, словно они готовы испепелить меня. Некоторые смотрят с открытой ненавистью, некоторые, как Амани-та, посмеиваются. У одной даже трясётся губа от плохо скрываемой досады и злости.

Конечно, они слышали, о чём говорили барон и Ивар, и, конечно, это не могло прийти им по душе. Представляю себе, как Марианна уже выдумывает способ избавиться от меня любым способом, гуманным и не слишком гуманным, если это потребуется.

Ивар подходит обратно к столу и подзывает меня властным жестом ладони. Он держит печать в своих руках и снова произносит все те же слова, предостерегая меня, что я не могу покинуть отбор, пока он не закончится или я не проиграю.

— Готова ли ты составить моё счастье в случае своей победы?

— Конечно, князь, — отвечаю я, и губы мои едва слушаются меня.

— Когда он защёлкивает золотую цепь на моей шее, щелчок звучит оглушительно, но я вздыхаю с облегчением. Теперь я официальная участница отбора, и дело осталось за малым — пройти все испытания.

Я смотрю на печать и вижу изображённый на ней драконий лист, полированное золото переливается в свете множества свечей.

— Я навешу тебя, Адриана, — шепчет мне на ухо Ивар, и я слышу в его голосе дрожь, как будто он изо всех сил по-

давляет пылающее в нём желание.

Взгляд этой девушки словно прожигает меня, добираясь до самого сердца и воспламеняет его. Когда я защелкиваю печать на её нежной шее, я чувствую, как она дрожит всем телом. Неужели так сильно боится... Только одна женщина на моей памяти разжигала во мне огонь такой яростной силы, только она, глядя на меня, могла лишить меня рассудка.

Ридли, чёртов сукин сын, оказался как всегда прав. Я уже отчаялся найти хоть кого-то подходящего для отбора, и тут он нашёл для меня настоящее сокровище.

— Я навещу тебя, Адриана, — шепчу я, изо всех сил сдерживая порыв схватить её сейчас же и утащить к себе, не обращая внимания ни на что. Её запах пьянит меня сильнее, чем зелье, я вдыхаю его, наслаждаясь этим мгновением, впервые за месяцы чувствуя себя по-настоящему живым.

Да что со мной происходит?

— Сын, позволь мне благословить претенденток, — слышу я неожиданно голос матери за спиной.

До последнего я надеялся, что она не явится на церемонию, но она пришла к концу, видимо, Ридли наплел ей что-то о важности соблюдения всех формальностей, если мы хо-

тим, чтобы всё прошло хорошо. Кто бы мог подумать, что этот весельчак окажется таким исполнительным и щепетильным в вопросах, которые мне самому казались совершенно ничтожными.

Если бы отбор проводил я, он бы уже был окончен. С другой стороны, если бы отбор проводил я, наверное, я бы не нашёл Адриану...

Нехотя отхожу от неё и наблюдаю, как мать подходит к каждой и целует каждую в лоб, шёпотом произнося какие-то напутственные слова.

Да, здесь много достойных претенденток, много таких, которые вскружили бы голову любому. Взять хотя бы эту Марианну, или ту, что сидела рядом с Адрианой... Но рядом с ней все они блекнут и выглядят невыразительно, хоть и одеты в куда более пышные наряды, открывающие их соблазнительные формы.

Адриана же одета в скромное зелёное платье. В ней нет ничего вызывающего, ничего броского. Она не ищет моего взгляда, как все остальные, не выглядит так, словно нахождение в высоком обществе приводит её в восторг, несмотря на то, что она, как я успел понять, из обнищавшей семьи.

— Ну, что я тебе говорил? — негромко произносит Ридли, так что слышу его только я. — Хороша ведь, а?

— Она должна победить в этом отборе, — говорю я. — Мне не нужна другая.

— Это, как распорядится бог, ты же знаешь, друг мой, — с улыбкой говорит Ридли. Кажется, ему нравится дразнить меня. Он получает наслаждение от моей боли.

— Ты просто отвратительный друг.

— Я твой единственный друг, князь, и лучше меня друга на свете не бывает. Так что избавь меня от ропота и прими всё, что на тебя обрушивается, с терпением, достойным твоего титула и твоей драконьей силы.

— Мстишь за то, что в тебе нет дара?

— Нет, я хочу, чтобы она победила не меньше твоего. Я уже поставил на неё целое состояние.

— Когда ты успел?

— Не трудно успеть, когда ты сам принимаешь ставки высоких господ.

— Если король узнает...

— Не узнает. А если и узнает, то сам с удовольствием сделает ставку. В этом нет ничего предосудительного, когда уважаемые высокородные господа спорят друг с другом на деньги. Даже напротив, это добрая старая традиция. Если бы ты читал кодекс отбора, который лежит в твоих покоях, то нашёл бы там много интересного.

— Мне не до книг, довольно сложностей и без этого.

— А я чертовски во всё это втянулся, друг мой, оказывается, я распорядитель не хуже твоего Даррена.

Знал бы Ридли столько, сколько знает старик, он бы спал по ночам так плохо, что вся его розовощёкость и жизнелю-

бие давно бы покинули его буйную голову.

— Наконец-то я вижу в твоих глазах огонь, Ивар, и я не могу не радоваться. Но должен тебя предупредить, чтобы ты не делал глупостей раньше времени.

— О чём ты?

— Сам знаешь о чём. Я вижу по твоим горящим глазам, что ты замыслил навестить нашу новенькую претендентку и попробовать раньше времени сорвать этот цветок. Можешь не отрицать, я знаю тебя целую вечность, дружище.

— Даже если и так, то что с того? Стоит мне только поманить пальцем, она сама прибежит и согреет мою постель.

Когда я говорю эти слова, в воображении разрастаются такие нескромные образы, что я едва могу сдержать огонь дракона внутри меня, настолько ярко он разгорается. Да, она ему тоже чертовски понравилась. Предвкушение того, как я навещу её этой ночью, будоражит меня и заставляет сердце биться так часто, словно я снова незрелый подросток, не знающий женской любви.

— Но не с печатью на шее, — говорит Ридли. — Эта печать не просто знак того, что она участвует в отборе, эта печать охраняет её тело от всяческих посягательств, сохраняя её чистоту до поры. Стоит тебе посягнуть на её невинность, ты получишь удар такой силы, что едва ли тебе захочется повторять попытки.

Он издаёт едва слышный смешок, словно его это забавляет, как хорошая шутка.

— Ну и что, печать можно снять, — отмахиваюсь я, глядя на то, как мать подходит к Адриане и задерживает на ней взгляд.

— Только один раз, — говорит Ридли. — Сняв печать, претендентка больше не сможет её надеть, а значит, проигрывает отбор. Ты разве не знал? Книга, всё написано в книге.

Дорогие читатели, у меня вышла новая книга. «Отвергнутая Истинная»

<https://litnet.com/ru/reader/otvergnutaya-istinnaya-b476733?c=5621674>

Очень надеюсь, что она вам понравится и увлечет вас так же, как эта)

Вот небольшой отрывок из нее

Я распахиваю тяжелые створки двери ведущие в покои мужа на вершине башни. Руки мои трясутся и слова путаются, когда я пытаюсь дрожащим голосом сообщить ему...

— Я видела Кори, видела его у работорговцев, они как-то схватили его, я не понимаю... Это какое-то безумие. Наш сын у них, они держат его в клетке... Я думала, что ты повез его в имение отца...

Айзек поворачивается, и переводит взгляд своих холодных синих глаз на меня. Он держит руки за спиной, на лице его каменное выражение, которое словно льдом окатыва-

ет меня.

— Ты не должна была его видеть, — ледяным голосом говорит он.

— Что?

— Все в порядке, Юлиана. Корнелл теперь не мой сын.

Встаю на месте и сгибаюсь, словно меня ударили в живот, не веря в то, что слышу. В глазах вдруг темнеет.

— Ты сошел с ума, Айзек?

— Хочешь отправиться вслед за ним? Или может хочешь, чтобы я поделился деньгами, что выручил за выродка?

Слова мужа словно прибивают меня к стене, вышибая дух. Я не верю в то, что это произносит мой любимый. Это какое-то безумие, какая-то злая шутка, что угодно, только не правда.

— Так ты называешь нашего сына?

— Я считал его таковым. Как считал тебя своей истинной, пока мне не открылась правда, благодаря древнейшему. Я не хотел верить, но сомнений нет...

— Какая правда? — кричу я, срывая голос. — Что он сказал тебе?

В груди полыхает такая яростная боль, что мне кажется весь мир сейчас обрушится на меня. Все, чего мне хочется, это обнаружить, что это всего лишь страшный сон, но я все никак не просыпаюсь.

Все вокруг начинает кружиться, и я слышу какие-то странные голоса, словно кто-то шепчет тихим шепотом. Я не

знаю языка, не разбираю слов, но от одного этого звука такое ощущение, словно сердце протыкает зазубренный нож, а по спине проводят ледяными пальцами сама смерть.

Пытаюсь закрыть уши, но этот звук никуда не уходит.

Делаю шаг вперед и опираюсь на стол, чтобы не упасть и краем глаза вижу, как цветы, который я сегодня утром поставила здесь, мгновенно чернеют, высыхают, и превращаются в прах, опадая на полированную поверхность.

Что это?

— Вот какую правду! — рычит он, скидывая со стола опустевшую вазу, которая тут же разбивается на осколки, — творишь магию нежити на моих глазах и смеешь спрашивать? — Ты обвела меня вокруг пальца, ты все это время была носителем запретной магии и теперь мой род будет проклят, если хоть кто-то узнает.

От грома его голоса я вся съеживаюсь и оседаю на пол, раня колени об острые осколки.

— Я не понимаю, что это такое? — из моих глаз льются слезы и все вокруг заволакивает туманом. — У меня нет никакой магии...

Айзек хватается меня за плечи и силой поднимает на ноги.

— Ты служишь тьме, Юлиана, ты ввела меня в заблуждение, наслав на меня морок, и я прожил все эти годы питаюсь твоей ложью. Можешь не тратить на меня свои лживые слезы. Побереги их для тех, на кого действуют твои чары.

— Айзек. Я не понимаю о чем ты говоришь, — едва слыш-

но отвечаю я ему сквозь душащие меня рыдания. — Я никому не служу, кроме тебя.

Он тащит меня на балкон и с шумом распахивает двери, впуская морской ветер, вольно резвящийся здесь, на высоте его башни.

— Открой глаза! — рычит он, — и посмотри.

Продолжение по ссылке: <https://litnet.com/ru/reader/otvergnutaya-istinnaya-b476733?c=5621674>

Целой бутылки зелья не хватило, чтобы погрузить меня в сон. Так я пролежал всю ночь не сомкнув глаз, вспоминая взгляд этой странной девушки, что так неожиданно появилась здесь. Что со мной такое? Почему меня так тянет к ней?

Я встаю и смотрю на темное уже восточное крыло, где поселили всех претенденток. Светятся только окна обслуги, они готовят все к завтрашнему смотру в присутствии короля. Весь замок стоит на ушах. Каким же красавчиком я предстану перед нашим светлейшим, если переживу еще одну бессонную ночь. Ни сна, ни удовольствия, одна только боль. Будь проклято это зелье, раньше оно хотя бы снимало боль, теперь же только унимает трясущиеся руки. Что дальше?

Нужно найти что-то посильнее этого.

Сейчас бы звмыть в небо, расправить крылья дракона, полетать всласть, проветрить голову. Но ничего не выйдет. Чтобы сделать оборот - нужно много сил, чтобы были силы - нужно спать. А чтобы спать, нужно чтобы боль не терзало каждую кость в этом проклятом теле.

Перед глазами снова встает образ Адрианы. Глядя на нее я забывал обо всем, словно одним своим взглядом она исцеляла мою тревогу и тоску. Что-то есть в этой хрупкой девушке, что-то удивительное, что-то чего я видел прежде только в Элис. Неужели боги дали мне настоящий второй шанс?

Неужели они подарили мне истинную любовь снова? Или они так смеются надо мной, чтобы отобрать у меня последние остатки силы?

Спрыгиваю через окно прямо в темноту, не обращая внимания на боль, и приземляюсь на мягкую траву. К черту все, нужно немедленно навестить ее. Мне нужно ее тепло, прямо сейчас, иначе я сойду с ума. Хотя бы увидеть снова эти глаза.

Что там плел Ридли про книгу и про печать, которая не даст мне сорвать этот цветок? Наверняка наврал, чтобы я не делал глупостей. Он, похоже, беспокоится за исход этого балагана куда больше, чем я. Хлопочет, как на похоронах. Ну и черт с ним, пусть хлопочет, а я буду делать то, что считаю нужным.

Слуги опасно косятся на меня, когда я вхожу в восточное крыло. Кажется, им хочется что-то сказать, но они помалкивают. Правильно делают. Не стоит стоять между князем и объектом его желания.

Где же ее поселили? Нужно было узнать это заранее. Не спрашивать же теперь у слуг... Они и так, похоже, перепугались до смерти. По правилам мне вообще нельзя тут находиться. Но кто сделает мне замечание в моем же замке?

И тут я замечаю, что все куда проще, чем можно было ожидать, на каждой двери висит знак, повторяющий узор на печати, которую я вешал на шею каждой претендентке.

Очень удобно.

Я ищу рисунок, который мне нужен и тут одна из двери

открывается, и из нее выходит девушка, она улыбается мне так лучезарно, словно ждала меня всю ночь.

— Князь, — я так счастлива, что вы почтили меня визитом, — восклицает она громким шепотом.

Я даже не могу вспомнить ее имя, но печать на шее свидетельствует, что она одна из претенденток.

— Здравствуйте, — говорю я раздраженно, вынужденный остановиться. Чертовы приличия надо соблюдать. Как она вообще узнала, что я здесь, и почему не спит так поздно.

— Почему вы в столь поздний час на ногах, леди...

— Марианна, но вы можете звать меня Мари, мой князь.

Она берет меня под руку и едва не тащит к себе в покои. И как мне дать ей понять, что шел я вовсе не к ней?

Бросаю взгляд в другой конец длинного коридора и вижу рисунок драконьего листа. Именно он был на печати Адрианы. Нужно отделаться от этой Мари...

Марианна затаскивает меня в свою комнату и захлопывает дверь.

— Я видела, как вы смотрели на меня во время этой церемонии. Я чувствовала ваш огонь. И признаюсь вам, что я знала, что вы придете ко мне сегодня ночью и поэтому я готовилась. Она скидывает с себя накидку и остается в крайне вызывающем платье. Глубокий вырез, который почти ничего не скрывает, и формы... нужно признаться, что формы этой претендентки невероятно хороши, а тусклый свет свечей только подчеркивает их.

Но это не то, чего я хотел.

Но дракон внутри меня начинает рычать, словно увидел долгожданную добычу.

— И к чему это вы готовились? — спрашиваю я, не в силах сдержать усмешку и оглядываюсь по сторонам. Тут накрыт стол на двоих, как будто здесь меня только и ждали.

Она подходит ближе и сладкий аромат ее губ, пахнущих вишней, заставляет меня обратить на нее более пристальное внимание. Глаза, чуть роскошие, кажется, в ее роду были люди с востока, красивые глаза, волнующие... Но не те. Она приближает свои губы к моим и шепчет.

— К более близкому знакомству, мой князь. Я вижу в ваших глазах боль, Ивар, вижу, что вы очень хотите утолить ее. Только позвольте мне и я заставлю вас летать не расправляя крыльев.

Она прижимается ко мне всем телом и я чувствую, что не вполне владею собой. Я знаю, что я пришел сюда не за этим, но эта девица умеет расположить к себе, нужно отдать ей должное.

— Ты опережаешь события, девочка, — говорю я ей, — и с чего ты взяла, что я шел к тебе?

— Потому что только я могу дать вам то, что вы хотите.

— И чего я, по твоему, хочу? — усмехаюсь я не отрывая взгляда от ее хищных глаз.

Она опускается на колени и смотрит мне в глаза.

— Остановите меня, если я не угадаю, мой князь....

— Нет, — говорю я, хотя и через силу. Мне нет никакой радости в том, чтобы использовать эту девчонку. Хотя она, надо признаться, довольно красива и не лишена других, весьма выдающихся достоинств.

Она поднимает на меня свои ясные синие глаза и смотрит обиженно. Облизывает губы и спрашивает.

— Я же вижу, что вы хотите меня, князь, — говорит она, пытаясь стянуть с меня штаны. — Мои губы подарят вам такое наслаждение, которого вы не знали никогда в своей жизни.

Дракон внутри меня просто ревет от желания, я едва удерживаюсь от того, чтобы не согласиться на ее заманчивое предложение. Но я пришел сюда не за ней.

— А как же отбор? — спрашиваю я насмешливо.

— Я в любом случае выиграю этот отбор, так к чему тянуть?

— Почему ты так уверена, что выиграешь? Есть много достойных претендентов.

— Достойных много, а идеальная только одна. Боги будут на моей стороне.

— Ну так вот сперва докажи, я, знаешь ли, привык чтить богов. И не хочу нарушать правила отбора до его окончания. В противном случае они ведь могут и разгневаться, наказать,

лишить меня удачи. Разве ты не боишься их гнева?

Я говорю эти слова, только чтобы вывести ее из себя. До богов мне, в действительности нет никакого дела. Но смелость и напор этой особы - вещь которую мне хочется сломать просто.

— Так зачем же вы ко мне пришли? — она встает с колен и смотрит на меня обиженно.

— А с чего ты взяла, что я шел к тебе? Ты наивная девочка, если думаешь, что все в этом мире крутится вокруг тебя. Ты слишком много о себе возомнила. если думаешь, что твоя готовность раздвинуть ноги - это то, на что я сразу же клюну. За кого ты меня принимаешь?

— Я вижу, как на ее лице мгновенно появляется румянец.

А она, кажется, не так уж хорошо владеет собой. Хотя хочет казаться совершенно беспристрастной. На мгновение вся защита слетает с нее и я вижу обиженную девочку, у которой отобрали игрушку, которую она уже считала своей. Она тяжело дышит и отворачивается. На мгновение мне даже становится ее жалко. Я мимолетно представляю себе, что будет если она выиграет отбор. Да, она будет страстной и яркой в постели. Но сможет ли она подарить мне сильного наследника? Сможет ли стать матерью для моей дочери? Вот это большой вопрос.

— Не обижайся, солнышко, — говорю я, чтобы ее успокоить хоть немного. Кажется, девочка привыкла получать все, чего хочет и мои слова задела ее по настоящему. В отраже-

нии зеркала я вижу, как слезы катятся по ее щекам.

— Простите, князь, я такая дура, — говорит она, всхли-
пывая.

А вот это уже интересно. Чего чего, а слез от нее я точно
нео жидал.

Я подхожу к ней и предлагаю ей платок.

— Расстраиваться не стоит, — говорю я уже куда более
мягким тоном. — Ты мне нравишься, правда, у тебя милое
личико, и кажется, ты не глупа.

— Но по-настоящему нравится вам другая, — говорит она
принимая платок и вытирает слезы.

— Я еще не решил, кто мне нравится по-настоящему, —
вру я зачем-то. Неужели эти слезы так на меня действуют?
-- Да и какая разница, чего решил я, если на все теперь воля
богов?

В кого же я превращаюсь. Да эта хитрая девчонка просто
манипулирует мной, чтобы добиться расположения. Я же ви-
жу это, как на ладони. Но мне все равно жалее, как будто я
действительно явился причиной ее расстроенных чувств. И
с каких пор такие вещи для меня имеют значения?

Дракон смотрит на меня с недоумением и тихонько рычит.
Мало того, что я лишил его удовольствия, так я еще едва ли
ни извиняюсь перед этой лицемерной особой, все хитрости
которой очевидны и ребенку.

— Тогда я буду надеяться, и буду просить богов, чтобы
они сочли меня достойной, — говорит она, — спасибо вам,

князь, вы так добры.

Добр? Я? Если бы ты только знала, что я сделал, ты бы так не думала, девочка. Не знаю, насколько гнилая душа у тебя, но ты даже не представляешь, что у меня внутри. Я убил собственную жену и держу своего ребенка в душевной комнате, чтобы никто не узнал, что я натворил...

Она поворачивает свои прекрасные глаза на меня, Заплаканная она даже еще привлекательнее.

— Разрешите хотя бы один поцелуй, — говорит она. — Иначе я просто не усну сегодня.

От поцелуя беды не будет. Тем более, что эти губы так манят...

Я подхожу к ней и прикасаюсь к ее губам. В этом поцелуе нет ничего страстного, ничего любовного. Это поцелуй сострадания. Какая нелепость. Она попросила и я делаю, словно мальчишка.

Вкус ее слез будит в голове непрошенные воспоминания о слезах Элис и позвоночник прошивает болью такой силы, что я едва не вскрикиваю и отрываюсь от нее.

— Спасибо, князь, — шепчет она, — я не забуду вашу доброту.

Выхожу за дверь и прижимаюсь к ней спиной. Бросаю взгляд в другой конец коридора, на комнату, где сейчас спит Адриана. От одного только воспоминания о ней в сердце разливается непривычное тепло. Только мысли о ней, кажется, позволяют заглушить боль... Стоит ли будить ее, если она

спит? Стоит ли тревожить ее сон? Ее глаза, когда я сказал ей, что навещу ее, что же в них было. СТрах, желание, ожидание?..

Эмблема с драконьим листом словно приглашает меня. Всего несколько шагов и она будет моей. С удивлением для себя отмечаю, как бьется сердце в груди.

— Удалось узнать что-нибудь от слуг? — спрашиваю я Клем, когда возвращаюсь и снимаю с себя кольцо.

Наконец-то можно хоть немного расслабиться. Боль тут же отступает и это чувствуется как настоящее наслаждение.

— Разговаривать с этими надутыми служанками — настоящая пытка. Но кое что я все-таки узнала. Эта Марианна уже успела обработать добрую половину претенденток, особенно из тех, кто попал сюда не из богатых семей. О ней тут ходят такие слухи, что даже у меня волосы шевелятся во всех местах.

— Думаю слухи ходят и про нас... А то, что она подкупила несколько претенденток, для нас это выгодно, чем меньше будет соперниц, тем лучше, — говорю я, изучая узор на печати, которую надел на меня Ивар. С удивлением для себя отмечаю, что он обладает похожими магическими свойствами, как и мое кольцо. Я не могу прочитать его прошлое, этот предмет застыл во времени точно так же.

— А вообще, они только и могут, что трещать о том, что завтра приедет этот король, как его там...

— Маркус второй, — устало говорю я.

— Точно! — говорят, он натащит сюда целую толпу, прислуги и всего на свете. Как будто тут и так мало народу. Я не понимаю, зачем богатым столько людей, которые их обслу-

живают. Такое ощущение, что они просто не могут ничего делать сами.

— Так и есть, — говорю я. — Чем ты богаче, тем беспомощнее.

Я уже давно перестала удивляться этому, в первые годы, как только я поселилась в замке, я пыталась что-то изменить, ограничить присутствие прислуги хотя бы в своей жизни, но быстро стало понятно, что никакого блага от этого не прибавляется. Просто люди теряют работу, которая кормит их их семьи, и больше ничего.

— Как все прошло? — спрашивает Клем, складывая мое зеленое платье..

— Сплошное мучение, — говорю я.

— Так ты понравилась ему? То есть.. Ты в облике Адрианы?

— Да, и мне кажется, что даже слишком понравилась.

— В каком смысле?

-- Как бы он не нагрянул в гости этой ночью, — говорю я.
— У него был такой вид, будто он готов накинуться на меня прямо в зале, где все собрались.

— Вот скотина! Если сунется, я его не пущу.

Я улыбаюсь.

— Думаю, ты его не остановишь, если ему взбредет это в голову. Если он захочет, он сровняет все крыло с землей, лишь бы получить то, что ему нужно.

Я вспоминаю взгляд Ивара, и мне становится не по себе.

Он изменился за то время, что мы не виделись, как будто постарел и осунулся, но этот взгляд, я отлично его помню. Он часто смотрел так на меня прежде. Взгляд полный огня и желания...

— Ты узнала что-нибудь о детях? — спрашиваю я о самом главном.

— Нет, к сожалению, эти служанки вообще ничего не знают, их всех пригнали сюда недели две назад и для них этот замок такое же новое место, как для претенденток. Они болтают без умолку на любые темы, но не знают ничего, что было бы нам полезно. Нужно как-то найти возможность поговорить с теми, кто служит в другом крыле, где живет сам дракон. Вот они наверняка знают что-то.

— Нам нужно скорее узнать, где он прячет малышку. Я чувствую сердцем, что она где-то здесь...

— Мы найдем ее, — успокаивает меня Клем. Найдем, а потом заберем ее и твою Лили и смоемся отсюда.

Я задумчиво киваю.

— Спасибо, — говорю я. — Ты мне очень помогаешь.

— Я пока еще ничем тебе не помогла, Элис, — говорит Клем.

— Без тебя я бы не справилась...

— Брось, — отмахивается она. — Ты дважды спасла мне жизнь и выжила там, где остальные пошли ко дну. Вряд ли есть что-то, что тебе не по плечу.

— Когда он рядом, я чувствую себя слабой и беспомощ-

ной, — шепотом говорю я. — Этот его взгляд, он словно разрушает меня до основания и я становлюсь хрупкой, как тонкий лед, в то время, как должна быть особенно сильной. Противостоять ему, все равно, что сражаться со стихией.

Она садится рядом со мной и обнимает меня, и я благодарна ей, что она ничего не говорит. Я все знаю сама. Я должна быть сильной, должна смело смотреть ему в глаза, мне нечего бояться. Он ничего не может мне сделать, особенно теперь, когда на мне уже надета печать.

Он не посмеет заявиться. В правилах четко сказано, что печать защищает претендентку от любых посягательств.

Но что такое правила для Ивара? Для него любое правило всегда было лишь вызовом, для того, чтобы проверить то, может ли он это правило изменить, или сломать.

Просыпаюсь я от того, что клем трясет меня за плечо.

— Элис, — шепчет она мне на ухо. — Иди посмотри, кажется он здесь...

Я открываю глаза и тут же вскакиваю на ноги. За окном ночь, яркая луна светит в окно, тускло освещая мебель в комнате и встревоженное лицо Клем.

— Что такое??

— Посмотри в коридор, только осторожно.

Я подхожу к двери и заглядываю в щель.

Ивар стоит, прислонившись к двери в другом конце коридора. Его глаза закрыты, он словно бы обдумывает что-то. А

потом поворачивается и мне кажется, смотрит мне прямо в глаза.

А потом он решительным шагом направляется прямо к моей двери.

Я успеваю только тихо прикрыть дверь и как можно тише защелкнуть замок, как будто в этом есть хоть какой-то смысл. Если он захочет, он вынесет эту преграду одним легким ударом.

— Он идет сюда, — выдыхаю я и на всякий случай достаю кольцо. Сердце колотится от страха. Он пришел взять, то что хочет.

Я отхожу на несколько шагов от двери, ступая по мягкому ковру и замираю. Переглядываюсь с КЛем, глаза которой блестят в тусклом свете луны из окна. Прикладываю палец к губам. Она кивает.

Проходит минута, и мне начинает казаться, что он ушел, но я не осмеливаюсь сделать шаг, чтобы подойти к двери и посмотреть.

А спустя мгновение неожиданно громкий требовательный стук заставляет нас вздрогнуть.

На первый стук мы не отвечаем. Мы ждем, что он отправится к себе. так и не дождавшись ответа, но он продолжает стучать, и сила ударов нарастает, так что кажется, что сейчас дверь слетит с петель.

— Кто там? — наконец, не выдерживает Клем и подходит к двери.

Я мотаю головой, всячески давая ей понять, что не нужно этого делать, но, конечно, уже поздно что-то исправлять.

— Это Ивар Стормс, — доносится с той стороны приглушенный голос Ивара, — открывай сейчас же, иначе я выломаю дверь. Мне нужно поговорить с Адрианой.

— Уходите, госпожа спит и не желает ни с кем разговаривать, — шипит Клем, не открывая двери.

— Мне только нужно увидеть ее.

Ручка двери угрожающе дергается.

— Оставьте нас в покое, князь, вы пугаете нас.

— Чертова дура, открывай, если не хочешь, чтобы я разозлился по-настоящему.

Я вздыхаю и надеваю кольцо.

Когда он стучит в следующий раз, я оттесняю Клем и отпираю дверь, так что Ивар едва не вваливается в комнату. От него несет знакомыми духами. На помятом лице застыла гримаса недовольства. Да, Ивар привык получать все, что

хочет.

— Вы хотели меня видеть, князь, — говорю я, — простите мою служанку, она берегла мой сон, потому что я чудовищно устала за прошедший день.

Стоит ему увидеть меня, как лицо его проясняется и я даже вижу на нем подобие улыбки.

Он вваливается в комнату и бесцеремонно усаживается в кресло.

— Девка, принеси выпить обезболивающего зелья, да поживее.

Он щелкает пальцами, подгоняя Клем и та переводит взгляд с него на меня, не зная, что ей делать. Я понимаю ее замешательство.

— А ты садись сюда, — говорит он и указывает на стул рядом с креслом, — я буду говорить с тобой.

Чувствую, как боль постепенно начинает распространяться по телу. А я-то надеялась, что смогу хотя бы ночью отдохнуть от боли, которая сопровождала меня весь предыдущий день.

Закрывая дверь, вижу в другом конце коридора Марианну. Она смотрит мне в глаза и лицо ее наполняется такой зримой злобой, что я едва не отшатываюсь. Она все видела, ну конечно, и не только она. Наверняка половина крыла проснулась от того, как Ивар колотил в мою дверь.

Закрываю дверь и тяжело вздыхаю. Ивар смотрит на меня выжидающим взглядом и барабанит пальцами по сиденью

стула рядом с собой. Последнее, чего мне хочется сейчас — это говорить с тем, кто превратил мою жизнь в ад.

— Клем, принеси, пожалуйста, нашему гостю выпить, — говорю я, стараясь сдержать дрожь и злость в голосе. Но, кажется, у меня это получается не слишком хорошо.

— Я не хотел будить тебя, Адриана, — говорит он, не сводя с меня своих пронзительных глаз. — Я не хотел вообще причинить тебе никаких неудобств.

Я подхожу к столу, не обращая внимания на его руку, продолжающую указывать на стул.

— Не хотели, но сделали, — говорю я. Кто не хочет, тот и не делает, разве не так?

— Не занудствуй, Адриана. Это не идет твоей очаровательной юности.

— Простите, князь.

— Я научу тебя хорошим манерам, ты в своем захолустье, похоже, вообще не получила должного воспитания.

— Буду счастлива учиться у вас.

— И знаешь что? Тебя стоит поближе познакомить с моей матерью, она научит тебя натурально врать. Уж больно много фальши в твоём тоне. Нехорошо, если ты хочешь, чтобы наш брак был долгим и счастливым.

Я молчу, не зная, как реагировать на него. Я уже и забыла, какой у Ивара характер. А за те месяцы, что меня не было, этот характер, похоже, ухудшился в несколько раз.

— Ты ошарашена, я вижу. Но ты не ослышалась, я уже

сделал свой выбор. была бы моя воля, я бы уже остановил этот отбор. Но Ридли... Чертов Ридли вызвал сюда короля и тому обязательно нужно увидеть этот цирк от начала до конца.

Он берет со стола стакан, принесенный Клем и жестом отсылает ее прочь. Отпивает большой глоток и облегченно вздыхает, прикрывая глаза.

— Отбор проводят сами боги и никто не в праве решать его исход, — говорю я.

— Я великий князь, и я решаю все, что мне угодно. И все всегда происходит так, как я хочу. Иного не бывает. Ты можешь спросить моих друзей, или моих врагов... Хотя, враги тебе уже ничего не скажут. У них закончились все слова, если ты понимаешь, о чем я.

Меня так и подмывает спросить о его жене, являлась ли она его врагом. Но я, разумеется, сдерживаюсь.

— Пойми, девочка, когда ты дракон, чужая воля уже не имеет значения. Да сядь ты сюда, черт тебя дери!

От его рыка я содрогаюсь всем телом, понимая, что сейчас я в его власти. Он может сделать со мной все, что захочет. А что я могу сделать в ответ? Только кричать? Бежать отсюда со всех ног? Но не для того я так долго и трудно добиралась сюда, чтобы сейчас убегать. Печать отбора, как минимум, охраняет мое тело от посягательств... Но если он захочет меня покалечить, печать меня не защитит.

Я сажусь рядом с ним.

— Я не злой, пойми. Я справедливый. Если ты будешь делать все, что я скажу, я никогда не повышу на тебя голос, — теперь его тон более миролюбивый, и даже немного извиняющийся.

Нет... Раньше он таким не был. Он стал нервным, его челюсть дергается, как будто его пршибает ежесекундный спазм. Руки его едва заметно подрагивают, когда он берет в руки бутылку и наливает себе снова. Сколько же он хлещет этой дряни?

— не смотри на меня так. Это нужно мне для здоровья.

— Я думала, что драконы не болеют, — говорю я.

— А я и не болею... Особенно, когда смотрю в твои глаза, чудо мое.

Он хватает меня за руку так неожиданно, что я не успеваю отшатнуться. Чудовищная боль пронизывает все мое тело. Другой рукой он берет меня за подбородок и заставляет посмотреть ему в глаза.

— Есть в тебе что-то. Что-то неотразимое. Ты чем-то дьявольски похожа на мою покойную жену. Такие же грустные и ясные глаза. Глядя на тебя, я как будто вижу ее.

Он долго смотрит мне в глаза не мигая, и я считаю секунды, чтобы не потерять сознание от боли.

— С ней вы тоже так обращались, князь Стормс? — сами собой слетают слова с моих губ, но когда я понимаю свою ошибку, уже слишком поздно.

Я вижу, как от злости напрягается его челюсть и кривятся

губы.

— А ты маленькая язвительная птичка, у которой есть коготки? — спрашивает он вкрадчивым голосом и перебирает мои пальцы, словно ища на них когти.

— Ты ведь можешь ранить этими коготками. Сделать больно. Ты хоть представляешь, что я пережил после ее кончины? Представляешь, через какой ад прошел я и моя дочь? Я лишился не просто жены, я лишился той, что любил больше жизни. Той, что должна была дать мне наследника. Не смей даже говорить о ней...

С удивлением для себя отмечаю, что голос Ивара дрожит. Похоже, он сам верит в то, что говорит. Я могу поклясться, что вижу слезы, застывшие в его глазах.

Ты прошел через ад?

Лицемерный омерзительный подлец! И ты смеешь теперь лить лицемерные слезы по той, которую сам же едва не погубил? Той, что дала тебе двух дочерей и готова была умереть за тебя?

Мне так и хочется вырвать руку и ударить его изо всех сил по лицу. Но

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.